

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО
ХРОНИКИ МАЙОРА
КОРСАКОВА

ТОМ 4

КНИГА
ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Илья Деревянко

**Хроники майора Корсакова.
Том 4. Книга первая**

«СИЛК-ПРЕСС»

2004-2010

Деревянко И.

Хроники майора Корсакова. Том 4. Книга первая /
И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС», 2004-2010

ISBN 978-5-6040077-5-4

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы... «...В просторном, отделанном белым кафелем помещении без окон едко пахло человеческим потом. Слепящие лампы дневного света под потолком освещали двух обнаженных мокрых людей, растянутых на специальных станках. А также стоящих неподалеку трех типов в белых халатах...»

ISBN 978-5-6040077-5-4

© Деревянко И., 2004-2010
© СИЛК-ПРЕСС, 2004-2010

Содержание

Спецы	5
Пролог	5
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	27
Глава VI	32
Глава VII	38
Глава VIII	42
Глава IX	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.

Том 4. Книга первая

Спецы

«Сегодня слушаешь людей – кажется, Бог есть. Смотришь, как они живут, – кажется, Бога нет. На словах многие верят в Бога, но... „по плодам их узнаете их“ (Мф. 7:20). Народ не верит в Бога. Современные люди строят жизнь в соответствии с догматами демократии, а не веры... наше поколение в своем большинстве безнадежно отравлено вседозволенностью. Этот суррогат свободы не создал даже иллюзии счастья, зато укрепил в сознании миф, как ужасно жить в мире, ограниченном религиозными догматами. В результате добрая христианская атмосфера вытеснена злой и похотливой демократией...»

«Проект „Россия“. М., 2007, ч. 1, с.352, 353.

Пролог

17 июля 2007 г. Поздний вечер

– Объект четыре дня (то есть с момента получения им «черной метки») не покидает усадьбу. Охрана приведена в повышенную боевую готовность и увеличена в три раза. По сути, он задействовал всю свою службу безопасности. Дежурная смена – восемь человек. Вооружены «АКМБ». Семеро постоянно находятся во дворе, один – при хозяине. Правда, они чайники, сразу видно, и здорово нервничают. Палят в любую подозрительную тень. Всего их там двадцать четыре штуки. Меняются каждые четыре часа. – Змей завершил доклад и умолк, меланхолично рассматривая ногти на пальцах.

– Занятный расклад, – улыбнулся краешками губ Старший. – Ваши предложения, ребята?

– Тихая, поголовная зачистка охраны, прислуги, членов семьи, а на десерт – ликвидация самого объекта! – белозубо ощерился Кобра.

Малыш и Слон синхронно кивнули в знак одобрения.

– Мне по барабану. Я – как прикажешь, – равнодушно произнес Змей.

– Ну а ты что думаешь, Профессор? – обратился Старший к шестому члену группы – худому очкарику с редкими завитками смоляных волос вокруг розовой лысины.

– Плохая идея, – покачал головой тот.

– Ты о предложении Кобры? – уточнил Старший.

– Да.

– Обоснуй!

– Слишком примитивно, ни капли воображения, ничего не дает для дальнейшего развития. Кстати, подобного рода мясорубки мы уже устраивали. Не многовато ли будет? – Очкарик вынул из пачки сигарету и не спеша прикурил. К потолку потянулись голубоватые завитки дыма.

– Крови боишься, да? – гортанно возмутился Кобра. – Маменькин сынок, билат! Чмо каби... – Под свирепым взглядом Старшего он осекся на полуслове и спрятал глаза.

– К вопросу о дисциплине вернемся позже, – сквозь зубы процедил Старший и вежливо спросил Профессора: – Ты закончил?

– Разумеется, нет, – выпустив из губ тонкую струйку, спокойно ответил тот. – Акции должны быть разнообразными, непохожими друг на друга. Это, между прочим, пожелание отсюда. – Он потыкал пальцем в потолок. – Кроме того, в данном случае есть возможность подвергнуть серьезной проверке степень профессионализма наших бойцов.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался командир группы. – **Что конкретно** ты предлагаешь?!

– Охрана – чайники, а наши – спецы! – Очкарик раздавил окурок в пепельнице. – Я так мыслю – пускай «объекта» исполнит кто-то один, незаметно проскользнув мимо нервных придурков с автоматами. Остальные подстрахуют, если первый номер где-то облажается...

– И кого ты предлагаешь в исполнители? – Старший смерил собравшихся свинцовым взглядом.

– Вам решать, – пожал плечами плешивый «мозг» группы. – Но лично мое мнение – задание должен выполнить наименее подготовленный из бойцов.

– ??!

– Если он справится, значит, остальные тем более, – невозмутимо пояснил Профессор.

– Хорошая идея, – немного поразмыслив, просветлел Старший. – Так и поступим!..

Сутки с небольшим спустя

Время перевалило далеко за полночь. В выложенном декоративной плиткой камине уютно потрескивали дрова. Отблески пламени выхватывали их темноты фрагменты изысканно обставленной комнаты, застывшего в углу охранника с «АКМБ» и бледное лицо человека – хозяина апартаментов. Он неуклюже сгорбился в низком кресле у огня и безуспешно пытался согреться. Невзирая на теплую июльскую ночь и пышущий жаром камин, Гамида Салмановича Ахмеджанова колотил лютый озноб на нервной почве. Вид у него был жалкий, раздавленный и, как выражаются блатные, «опущенный». Некогда пышные, гордо завитые усы обвисли неряшливыми сосульками. Крепкие руки с узловатыми пальцами мелко дрожали. В низу живота ощущался противный, сосущий холод. Господина Ахмеджанова терзал всепоглощающий, животный ужас. Недавно он, крупный торговец недвижимостью, получил по электронной почте короткое сообщение: «Скоро сдохнешь, собака. Готовься!» К тексту прилагалась картинка – раскрытый гроб с лежащим в нем скелетом.

Внешне все это смахивало на дурную шутку, но Гамид Салманович отнесся к предупреждению серьезно. Он помнил, как две недели назад один его старый знакомый (тоже коммерсант) со смехом рассказывал об аналогичном послании в свой адрес, матерно ругал интернет-хулиганов, клятвенно обещал: «За собаку ответят! Из под земли достану» – и... через два дня отправился в мир иной. Пуля снайпера разнесла ему череп прямо на пороге собственного офиса. Стреляли, судя по всему, с чердака противоположного дома. Однако приехавшие по вызову менты не обнаружили там ни «лежки» убийцы, ни стреляной гильзы, ни брошенной винтовки, ни вообще каких-либо следов. Потенциальные свидетели в один голос твердили: «Никого постороннего не видели, ничего подозрительного не слышали».

– Мистика, блин, да и только! – воскликнул в сердцах начальник оперативно-следственной группы.

И действительно, создавалось впечатление, будто таинственный злодей являлся некой бестелесной субстанцией, прибывшей к месту преступления по воздуху и точно так же убравшейся восвояси...

Гамид Салманович передернулся всем телом, непроизвольно лязгнул зубами и судорожно протер красные, слезящиеся от недосыпания глаза.

Невзирая на переполнявших усадьбу охранников, он не чувствовал себя в безопасности. По ночам не в силах заснуть, сидел у камина в одной из комнат четвертого этажа с потухшим светом, наглухо зашторенными окнами (не приведи Аллах из гранатомета пальнут!)... и как тот хрестоматийный трус ежеминутно умирал.

Лошадиные дозы снотворного абсолютно не помогали. Лишь на рассвете ему удавалось вздремнуть часок-полтора. Но и сон не приносил успокоения. Ахмеджанову неизменно грезился безликий убийца, расправляющийся с ним тем или иным способом, и каждый раз коммерсант просыпался с диким воплем: «Спа-а-а-си-и-ите!!!»

Старинные настенные часы мерно ударили три раза. Их звук болезненно отозвался в ушах.

«Еще немного, и я сойду с ума, – подумал Гамид Салманович. – Так дальше продолжаться не может! Но что... что мне делать??!! Может, обратиться за помощью к...»

Пф-ф – негромко «пукнуло» позади.

– Не смей пердеть, скотина! – развернулся к охраннику Ахмеджанов и... остолбенел.

Заподозренный в осквернении воздуха секьюрити медленно оседал на пол. Во лбу у него зияла кровавая дыра.

– Тсс! – прижал к губам дуло пистолета с глушителем плечистый мужчина в «собровке». – Не шуми, дорогой! – В голосе незнакомца проскальзывал едва уловимый кавказский акцент.

– Ты... Вы... меня застрелите?! – тряс губами, выдавил коммерсант.

– Нет. Мои пули не для тебя. – «Маска» сунул оружие за пояс, по-кошачьи приблизился к съежившемуся в кресле Гамиду Салмановичу, крепко ухватил его за волосы на затылке и неуловимым движением выдернул из крепления боевой нож...

Ахмеджанова с перерезанным горлом и застреленного охранника обнаружили примерно через час. В доме поднялся страшный переполох. Спешно вызвали милицию. Сотрудники «убойного отдела» работали на месте происшествия вплоть до позднего вечера наступившего дня, но не обнаружили ни единого следа и так и не поняли, **КАК** убийца сумел незаметно проникнуть в дом и так же незаметно скрыться. Единственной уликой оказалась пуля от патрона «СП-4», прошившая череп охранника и застрявшая в стене.

«Похоже, спецназ побаловал!» – выслушав доклады подчиненных, заключил старший из оперов майор Демидов и по возвращении в родные стены принялся составлять «бумагу» начальству.

Демидов был честен, всегда резал правду-матку (за что регулярно получал «по ушам») и без обиняков выложил: «Самим нам не справиться. Надо привлекать ФСБ...»

Выдержки из приказа руководства ФСБ генерал-майору Рябову В.А.

«...Во всех пятнадцати эпизодах чувствуется одна и та же, очень профессиональная рука... Судя по всему, работает целая группа высококлассных спецов, которые не по зубам органам МВД... Вполне возможно, что данная группа создана не для заказных убийств коммерсантов, а с гораздо более серьезной целью. Как, например, физическое устранение Президента или совершение серии политических убийств во время массовых беспорядков, планируемых врагами государства на начало 2008 года. Сейчас же она просто тренируется, отрабатывает боевое слаживание. Об этом косвенно свидетельствует целый ряд признаков (далее – полный их перечень. – Авт.)... В связи с вышеизложенным Вам надлежит безотлагательно найти и обезвредить означенную группу...»

Дело следует поручить наиболее квалифицированным и надежным сотрудникам.

В тесном контакте с Вами будет работать ведомство генерала Б.И. Нелюбина. Ему уже отданы соответствующие указания...»

Число. Подпись.

Выдержка из заключения аналитического отдела ведомства генерала Нелюбина

...Есть большая вероятность того, что команда «спецов-убийц» создана при активном участии разведок стран – потенциальных противников (примерно 87 % из 100), финансируется из-за рубежа и так или иначе связана с «либеральной оппозицией» внутри страны (далее – подробное обоснование. – Авт.)...

Из двух предложенных руководством версий первая (об убийстве Президента) представляется маловероятной, поскольку (ряд неопровержимых доводов. – Авт.)... Зато вторая (использование группы в период массовых беспорядков) кажется вполне реальной. Нынешние действия группы действительно напоминают боевое слаживание, совмещенное с «подработкой». Заказчиков убийств по всем пятнадцати эпизодам следует искать в среде вышеупомянутой «либеральной оппозиции», но, по мнению наших экспертов, у них нет прямого выхода на группу и они действуют через цепочку посредников, конечным звеном которой является иностранный резидент (он же куратор группы). Учитывая пристальный интерес отечественных спецслужб к посольствам и дипмиссиям потенциальных противников, а также еще ряд факторов, как, например (перечень этих факторов. – Авт.)... он (резидент) работает не под дипломатическим, а под каким-то иным, достаточно надежным прикрытием...

Глава I

«...Чтобы Бог даровал победу, солдаты должны сражаться. Вера – это не просто знание того, что Бог есть. Сатана тоже несколько не сомневается в существовании Бога: „...Вера без дел мертва... и бесы веруют и трепещут“ (Иак. 2:20, 19). Вера – это дела. Причем не вообще дела, а дела, соответствующие ситуации. Человек не сам себе выдумывает „добрые“ дела, их определяет ситуация. Видишь, тонет ребенок – спасай его. Видишь, твою Родину разоряют – защищай ее. В этом твоя вера. Если говоришь, что Бог все управит, это не вера, а лицемерие. Если говоришь, что некогда ребенка спасти, потому как занят «добрым делом», например, дерево сажаешь, это еще большее лицемерие.

Делай, что должен, и будь что будет – вот настоящая вера!

Если у верующего нет дел, сообразных его талантам, получается, у него вера бесовская...»

«Проект „Россия“. М., 2007, ч. 1, с.108.

Сегодня, с момента пробуждения, я пребывал в отвратительном расположении духа и с трудом сдерживался, чтобы не срывать зло на подчиненных. Чем объяснялось такое мое состояние, я толком понять не мог. Регулярные ночные кошмары?.. Но они мучили меня уже давным-давно, отступая лишь в ночь после Причастия. Страшная моральная усталость, накопленная за последние тринадцать с половиной лет?.. Но жил же я с ней раньше, внешне выглядел бодрячком, отпускал плоские шуточки и довольно успешно работал, хоть и срывался иногда. (См. «Бросок кобры»). А может, я исчерпал свой запас прочности?! Укатали Сивку крутые горки. Или очередное бесовское искушение?! Господи! Да сколько же можно!!!

Я достал из ящика стола небольшое зеркальце, которое использовал для бритья, когда оставался ночевать в отделе. Н-да уж, хорош!!! Из зеркала на меня глянула угрюмая физиономия палача на пенсии: с землистой кожей, со свинцовыми глазами, с резкими складками в уголках рта... На редкость противная харя! Пулю бы в нее вогнать!

– Дмитрий Олегович, к Вам полковник Логачев. Прикажете впустить? – донесся из селектора грудной голос Людмилы Александровны Москвиной – новой секретарши, взятой мной на место предательницы Вики. (См. «Отсроченная смерть»). Капитан Москвина, 1964 года рождения, являлась строгой замужней дамой патриархальных взглядов; любящей супругой и заботливой матерью, воспитывающей троих детей. Ни о каких вольностях ни с ее, ни с моей стороны даже речи быть не могло. Хватит с меня смазливых мордашек, мини-юбок, блузок без лифчика и блюда в обеденный перерыв. Все это заканчивается порой ох как трагически! А Людмила Александровна – монолит! И в моральном плане, и во всех прочих. Сквозь нее даже Логачев без разрешения не пройдет. «Прикажете впустить?» Представив, как матерый седой богатырь, эдакий терминатор во плоти, мнетя в приемной с ноги на ногу, дожидаясь разрешения войти (ту же Вику он просто сметал с дороги одним взглядом), я криво усмехнулся и ответил:

– Впускайте.

– У-уф! – усевшись в кресло возле стола, выдохнул Петр Васильевич и шепнул с оттенком зависти: – Ну и цербера ты себе завел. Обалдеть!

– Прикажете подать чай с бутербродами и булочками? – вновь донеслось из селектора.

– Спасибо, не хочется, – вежливо отказался я.

– Но Вы же абсолютно не завтракали! Только кофе выпили да курите беспрерывно. Так недолго язву нажить! – В грудном контральто секретарши зазвучали возмущенные нотки.

«Нет в мире совершенства», – с тоской подумал я и покорно пробормотал:

– Хорошо, несите...

Безукоризненная Людмила Александровна обладала (с моей точки зрения) одним существенным недостатком, а именно – считала меня кем-то вроде безалаберного младшего брата, нуждающегося в постоянной опеке.

– И тебя в оборот взяла! – ехидно прищурился Логачев. – Правильно, давно пора! А то совсем...

– Ты по делу или как? – раздраженно перебил я.

– Разумеется, по делу. Приказ генерала Рябова получил?

– Угу.

– Ну и?.. С какого бока намерен зайти?!

– Да пес его знает! – тяжело вздохнул я. – В голове ни одной путной мысли, а... – Тут я поспешно прикусил язык. Но не помогло.

– А настроение – хоть в петлю лезь! Мощный приступ черной меланхолии на почве нервного переутомления. Еще чуть-чуть, и начнешь искать смерти в бою. Тебе нужна небольшая встряска, дабы снять напряжение, прийти в норму. Такая возможность у нас есть. И развеемся маленько, и полезное дело сделаем. – Светло-стальной взгляд Логачева пронизал душу словно рентгеном, передал информацию в мозг полковника, и тот мгновенно поставил диагноз, а также определил способ лечения.

– Что ты предлагаешь? – заинтересовался я.

– Потом. – Логачев указал глазами на величественно вплывшую в кабинет Людмилу Александровну с подносом в руках. Галантно вскочил на ноги и помог ей переставить на стол здоровенную тарелку с бутербродами, такую же с горячими кексами и две большие чашки ароматного чая на травах.

– Спасибо, – кивнула она и столь же величественно удалилась.

– Ну так что же ты предлагаешь? – повторно спросил я.

– Сначала завтрак. Голодного не возьму, – отрезал Петр Васильевич. – Ну ка, Дмитрий, навались! Ты должен съесть ровно половину, иначе отправлюсь развлекаться без тебя!

Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться...

* * *

– Сегодня в Б-м районе, примерно через час, состоится открытие выставки модернистского искусства под названием «Эра Водолея», – заглотив последний кекс, начал Логачев. – Организатор – Фонд имени академика Глюкозова. Змеюшник еще тот! Впрочем, ты в курсе. Под «модернистским искусством» они понимают глумление над Богом. Так, в частности, там будут выставлены картины, изображающие Иисуса Христа, Богородицу и святых в отвратительном, непотребном виде. Ожидается большое количество посетителей – все сплошь отъявленные подонки из среды «либерально-демократической» оппозиции. Сие безобразие усиленно охраняется мордоротами из службы безопасности фонда, а также купленными на корню ментами из ближайшего отделения. Сунуто кой-кому на «лапу» и из высшего милицейского руководства. Те православные, кто попытается возмутиться и сорвать богохульное мероприятие (как уже случалось прежде), подвергнуты административному аресту. В перспективе возможно уголовное преследование...

– Сволочи!!! – не выдержав, взорвался я.

– Точно так же считает генерал Нелюбин, – скупой улыбнулся Логачев. – Борис Иванович отдал неофициальное распоряжение: проникнуть на выставку в числе первых посетите-

лей, устроить там погром, а мерзкую мазню сжечь вместе со зданием. Оружие и смертельные приемы применять запрещено. Иначе сам знаешь, какой хай поднимется. Однако ломать кости и сворачивать челюсти не возбраняется. Работать будем в гриме и не от имени ФСБ. Поэтому – служебное удостоверение оставь здесь, в сейфе.

– Какие документы прикрытия? – деловито осведомился я.

– Никаких. Нелюбин считает, что спецы нашего уровня успешно выполняют поставленную задачу и столь же успешно скроются без каких-либо документов, оружия и средств защиты. Даже если по нам откроют огонь. В этом случае разрешено использовать «живые щиты» из тамошних выроdkов. Вопросы?

– Вдвоем отправимся? – Мою хандру как рукой сняло.

– Втроем. Ерохин тоже хочет поучаствовать. А ты, я вижу, ожил?

– Открытие через час! – Я порывисто вскочил. – Не дай бог опоздаем!!!

– Верно, расслаживаться нельзя, – согласился полковник, поднимаясь на ноги. – Пошли гримироваться...

В гримерной мы застали Виталия Федоровича. Он сидел в кресле, похожем на зубо-врачебное, а над лицом полковника трудился специалист в белом халате. Двое его коллег, потирая руки, тут же устремились к нам, и спустя минуту мы с Васильичем уже подвергались аналогичной обработке.

– Вы знаете **ПОД КОГО?** – только и спросил Логачев.

– Знаем. Борис Иванович предупредил, – ответил один из гримеров и почему-то хихикнул.

Причину его веселья я понял по окончании процедуры, когда посмотрел в зеркало и отпрянул в шоке.

Стараниями конторских умельцев я, чистокровный русак с ярко выраженной арийской внешностью, трансформировался в подозрительную смуглокожую личность непонятной национальности. А моим товарищам повезло еще меньше. Логачева состарили лет на двадцать и украсили пегой неряшливой бородицей, сделав удивительно похожим на осовевшую от пьянства «творческую личность» из поколения «шестидесятников». А из Ерохина вылепили натурального раввина: с пейсами, горбатым носищем и в традиционной для них одежде, густо посыпанной перхотью.

– Раввин... раввин-то зачем?! – едва мы покинули гримерку, задыхаясь от смеха, спросил я.

– Для внесения растерянности и неразберихи в стан противника, – спокойно пояснил Виталий Федорович. – Массонская пресса, вот увидишь, попросту потеряет дар речи. А в патриотические круги будет потихоньку передано: «Бесовские отродья передрались между собой и по пьяни спалили дом».

– Хорошая идея, – подумав, одобрил я. – Дай Бог, чтобы получилось!

– Не волнуйся, – фыркнул Петр Васильевич. – Дело-то, в сущности, плевое...

* * *

Чертова выставка расположилась в отдельном, недавно отреставрированном особнячке на улице Болотная, спрятавшемся за высоким решетчатым забором, на особицу от жилых домов. Он был выстроен в начале двадцатого века одним богатым масоном, и вплоть до революции там устраивали «творческие вечера» (читай – разнузданные оргии) тогдашние модернисты. (В те времена их называли декадентами, футуристами и т. д.) Правда, не художники, а литераторы вроде известного сатаниста Валерия Брюсова. После октября семнадцатого года особняк сменил множество хозяев, а в конце девяностых его приобрел фонд Глюкозова, и все вернулось на круги своя. В тех же комнатах, где Брюсов со товарищи возно-

силы хвалы дьяволу, обосновались их духовные наследники. И в том, что богомерзкая мазня презентовалась именно здесь, виделось нечто символическое, эдакая «связь времен»...

К месту предстоящей акции мы прибыли на белом лимузине с водителем. Выставка открылась минут пятнадцать назад. В окрестностях уже толпилась стая разномастных ино-марок. Повсюду шныряли охранники фонда, с кобурами под мышками. За ближайшим углом пристроились набитый ментами автобус, водомет и автозак. В него, надо полагать, собирались запихивать возмущенных православных. К воротам, под бдительным взором фондовых секьюрити, один за другим подходили представители «либеральной общественности» и «продвинутой интеллигенции». Большинство – с иудиной печатью на подлых физиях. Таких пропускали беспрепятственно. У других, немного попримичнее на вид, спрашивали документы и пригласительные билеты...

«Раввин»-Ерохин первым выбрался из машины, дождался, пока мы с Васильичем присоединимся к нему, небрежным жестом отпустил лимузин и с гусиной важностью двинулся вперед.

Как следовало ожидать, наша новая внешность не вызвала ни у кого ни малейших подозрений. Беспрепятственно миновав ворота, мы зашли в здание, поднялись на второй этаж и очутились в просторном помещении, с развешанными по стенам «шедеврами». К нашему появлению там успели собраться десятка три посетителей, неспешно переходящих от картины к картине. Кроме них в зале находились шесть вооруженных охранников.

– О-о-о-о!!! Ах-ах!!! Великолепно!!! Бесподобно!!! Вот оно настоящее, высокое искусство!!! – слышались восторженные возгласы.

Логачев несколько не преувеличил. **ТАКОГО** богохульства мне еще не доводилось видеть!!!

Я почувствовал, как мое нутро переполняет холодная ярость и вопросительно глянул на Васильича: «Может начнем?!»

Тот утвердительно кивнул.

– Не толкайся, гребаное дерьмо! – по-английски рявкнул я, намеренно задев плечом плешивого толстяка в дорогом костюме.

– А-а?! – изумленно вылупился он.

– Обнаглели, русские свиньи! – на том же языке заорал я, врезал плешивому ногой в пах, схватил за волосы какую-то противную бабу, удивительно похожую на Валерию Ново-хлевскую. С силой толкнул ее на трех стоящих кучкой любителей «высокого искусства» и со сноровкой хорошо натасканной овчарки принялся сгонять посетителей в толпу в центре зала. При этом я не церемонился, щедро раздавая пинки и зуботычины. Помещение огласилось болезненными воплями. Между тем мои товарищи не теряли даром времени. «Раввин»-Ерохин с криком: «Они украли мои шекели» – набросился на первую тройку здешних стражей, а «шестидесятник»-Логачев с ревом: «Отдайте пузырь, козлы позорные» – на вторую. Ошалевшие секьюрити не сумели оказать заgrimированным спецназовцам достойного сопротивления и вскоре обезоруженными «мешками» полетели в центр зала, где моими стараниями уже образовалось плотное стадо: плачущее, стонущее, глотающее кровавые сопли и сплевывающее выбитые зубы.

Затем я встал сбоку от полуоткрытой двери и каждого вновь прибывшего, слегка обработав, присоединял к стаду. Я не боялся ошибиться. Придирчивая бдительность охраны у ворот исключала такую возможность. **Пока** исключала. К середине дня организаторы выставки планировали провести сюда экскурсию школьников младших классов. Поэтому следовало поторапливаться...

Разобравшись с охраной, «раввин» с «шестидесятником» принялись быстро сдирать со стен картины и сваливать их в угол. Трудились они минут пять. К тому времени стадо увеличилось на восемь особей с разбитыми физиономиями.

– Теперь бегом вниз, если жить хотите! – гаркнул Логачев. А Ерохин достал из-за пазухи серебристого цвета баллончик и бесцветной струйкой брызнул в упомянутый угол. Груда богохульной мази мгновенно воспламенилась. Следующая струйка непонятного вещества – и возле стада широкой полосой вспыхнул паркет. Не нуждаясь в дальнейших понуканиях, они, истошно вопя и отпихивая друг друга локтями, ломанулись к выходу. Возле дверей образовался затор и завязалась ожесточенная драка за право выскочить первым.

– У-роды! – поморщился Логачев, выдернул из кучи дерущихся мужика поздоровее, поднял на вытянутых руках и обрушил его на затор. Протараненные таким образом «уроды» с визгом покатались вниз по лестнице.

Ерохин вновь прыснул из баллончика.

Дверной проем загородила стена пламени.

– Уходим, – бросил он и, ударом ноги, вышиб оконную раму вместе с решеткой. Один за другим мы выпрыгнули со второго этажа на пустынный задний двор.

– Полная гарантия, – лаконично буркнул Васильич, «расчистив» мощными пинками два заколоченных полуподвальных оконца. Ерохин щедро запустил в них «красного петуха» и, держа в руке опустевший баллон, первым устремился к забору.

Бах!.. Бах!.. Бах! – загремели вдогонку выстрелы. Стреляли из «макаровых» трое фондовых охранников, вдруг появившиеся из-за угла здания. Мои товарищи кульбитами «ушли» в разные стороны. А я, повинувшись внезапному наитию, поступил иначе – резко развернулся к стрелкам и разразился потоком отборных американских ругательств. Секьюрити на пару секунд замешкались, явно сбитые с толку. Этого оказалось достаточно. В два гигантских прыжка преодолев разделяющее нас пространство, я болевым захватом обезвредил одного из мордovorотов и загородился им от пуль.

– Бах!.. бах!.. – «Живой щит» предсмертно содрогнулся в моих объятиях.

– Шлеп... бац, – возникшие словно из-под земли Ерохин с Логачевым молниеносно вырубили оставшихся двух. За забором показались первые менты, видимо получившие приказ оцепить место происшествия.

– Запасной вариант, – буднично произнес Васильич, без видимого усилия подняв прижавшую крышку канализационного люка...

Мы выбрались на поверхность в трех кварталах от злополучного особняка и сели в поджидающую нас машину. Вернее, погрузились в кузов крытого фургона с надписью «Огнеопасно» на борту. Напоследок я успел зафиксировать взглядом гигантский столб черного дыма в том месте, откуда мы только что прибыли. Повсюду слышались завывания пожарных сирен. Но сегодня они звучали не тревожно, как при других пожарах, а как-то радостно, торжественно. Или мне почудилось?!..

Глава II

Возвратив себе в примерной прежний облик, тщательно отмывшись и переодевшись в свою одежду, мы с Логачевым проследовали в мой кабинет. (Ерохин, сославшись на неотложные дела, куда-то ушел.)

– Людмила Александровна! Принесите, пожалуйста, обед на двоих, – устроившись в кресле, сказал я в селектор.

– Ну вот, вернулся в нормальное состояние, – удовлетворенно констатировал Васильич. – Теперь можно спокойно поразмыслить о розыске «спецов-убийц». Ты ознакомился с заключением наших аналитиков?

Я молча кивнул.

– Ну и?

– Кроме как через агентуру, других путей не вижу, – сознался я. – Вчера вечером встретился с «Сюзанной», озадачил. Авось чего и нащупает... Когда-нибудь... Другие мои стукачи, типа Познеровича (см. «Нулевой вариант»), малоперспективны в данном случае. Тем не менее их тоже напряг. А ваши сексоты «заряжены»?

– Разумеется. Но ждать от них быстрой отдачи не следует. Все равно что ловить рыбу бреднем в незнакомой мутной реке – зацепишь, не зацепишь... Правда, сегодня, когда мы громили глюкозовскую лавочку, нарисовалось некое... – Речь полковника прервало появление капитана Москвиной.

В два захода она выставила на стол комплексные обеды из конторской столовой (борщ, салат, жаркое с картошкой, фруктовый компот). А в завершение, заметно заалев лицом, принесла вместительное блюдо с домашними пирожками и, видимо, опасаясь возражений, поспешно скрылась за дверью.

– Ох и ни фига себе! – обалдел Петр Васильевич. – Ну это... это... Ну ва-аще!!! Слов не нахожу!

– Откармливает, – с улыбкой пояснил я. – По ее мнению, я слишком худой. «Кожа да кости», как она выражается.

– А ты действительно отощал за последнее время. Да и я, признаться, гхе, гм... – пробормотал Логачев, не отрывая глаз от пирожков и сплывая слюну.

«Спрашивать в данный момент, что там «нарисовалось», не имеет смысла. Наш богатырь хочет есть! Да и у меня, если честно, аппетит разыгрался. Интересно, с чем они, пирожки-то?! Выглядят, по крайней мере, на редкость соблазнительно!» – непроизвольно облизнувшись, подумал я, а вслух сказал: – На пустой желудок голова плохо работает. Давай-ка сперва подкрепимся!

Не заставляя себя долго упрашивать, Васильич запустил лапшу в середину блюда. Я незамедлительно последовал его примеру. Минут десять мы оба молча, сосредоточенно жевали. В прикуску к замечательным пирожкам с мясом незаметно прикончили и столовские обеды.

Потом Логачев по собственной инициативе отправился в приемную отнести пустую посуду, отсутствовал минут десять, вернулся с пиалой зеленого чая, с осуждением посмотрел на дымящуюся у меня во рту сигарету и поинтересовался:

– Так на чем я остановился?

– «Когда мы громили глюкозовскую лавочку, нарисовалось некое...» – дословно процитировал я.

– Ах да. Нарисовалось некое существо мужского пола и злобно прошипело из толпы: «Вам это с рук не сойдет. В ближайшие дни получите черные метки». – Васильич отхлебнул из пиалы и продолжил: – Из дела «спецов-убийц» известно – некоторые жертвы нака-

нуне гибели рассказывали друзьям или родственникам о полученной по электронной почте угрозе – «Скоро сдохнешь, собака! Готовься». А внизу, под сообщением, картинка – раскрытый гроб с лежащим в нем скелетом. Скорее всего, означенное послание и есть та самая «метка»...

– Существо идентифицировали? – хищно встрепенулся я.

– Сейчас Ерохин этим занимается. По словесному описанию. У него очень хорошая зрительная память.

– Ну а нам остается ждать у моря погоды, – разом поскущел я. – Ненавижу сидеть сложа руки!

– Просмотри текущую сводку за сегодня, – посоветовал Логачев. – Вдруг чего-нибудь да проклюнется!

– Наверяд ли.

– А ты просмотри, не ленись!

– Предчувствие, что ли?

– Вроде того...

Я неохотно потянулся к ноутбуку.

Интуиция не подвела полковника. Однако новость оказалась не из приятных.

«В полдень на загородной даче найден мертвым владелец элитарного массажного салона „Миледи“ Серж (так значится в паспорте) Авдеевич Чухонцев 1970 года рождения. По предварительным данным, смерть наступила в результате удушения. Труп обнаружила приходящая домработница Лариса Владимировна Чистякова 1985 года рождения. На месте преступления работает оперативно-следственная группа из ГУВД Н-ска...»

– Накрылся мой Сюзанна медным тазом, – сквозь зубы процедил я. – Двигаем туда, Васильич. Пока менты все следы не затоптали...

* * *

Выехали всемером: я, Логачев, Василий Филимонов, Андрей Горошко, Кирилл Альбертович Ильин и два прапорщика – водители. Офицеры, включая вашего покорного слугу, расположились в бронированном «бумере» с усиленным движком. А наш знаменитый судмедэксперт – во втором автомобиле, выглядящем как карета «Скорой помощи» и представляющем собой небольшую, отлично оборудованную лабораторию. Дача, где закончил свой жизненный путь агент Сюзанна, находилась в нескольких километрах от Кольцевой, в густом сосновом бору. Посреди него пролегал узкий проселок, вдоль которого стояли разнокалиберные особнячки на вырубленных в лесу ровных площадках. Знакомое местечко!!! В феврале 2005-го в одном из этих домов мы обнаружили свежезарезанного сутенера Ираклия, с коим страстно желали пообщаться на предмет уточнения нюансов деятельности одной из иностранных разведок. Противник тогда постоянно опережал нас минимум на один ход... До поры до времени. (См. «Нулевой вариант».) Сейчас, судя по всему, повторялась до боли знакомая картина... Водитель «БМВ», сверившись с адресом на карте, затормозил у шестого слева (если ехать от Н-ска) особнячка. Я вздрогнул от неожиданности. Ничего себе совпадение!!! Два с половиной года назад это двухэтажное здание с мансардой принадлежало... покойному Ираклию. А потом, выходит, его приобрел Серж Чухонцев. Кстати, тоже махровый сутенер. (Массажный салон «Миледи» являлся, по сути, слегка замаскированным публичным домом.) И здесь же принял насильственную смерть, подобно предшественнику. Прямо мистика какая-то...

Менты, видимо, уже предупрежденные руководством, вышли встречать нас всем скопом. В глазах у них читалось глубокое облегчение. (Еще бы, от «висяка» избавились.)

– Где тело? – с ходу спросил Кирилл Альбертович.

– В доме, – ответил старший из оперов, багроволицый здоровяк в звании майора. – Мы давно вызвали труповозку, но она где-то застряла, зараза.

– Слава Богу! – выдохнул Ильин.

– Что-нибудь интересное обнаружили? – поинтересовался я.

Здоровяк виновато отвел глаза.

– А где гражданка Чистякова?

– Она точно что-то скрывает! – оживился майор. – Если хорошенько поднажать...

– Отвечайте на поставленный вопрос, – ледяным тоном перебил я.

– Да там же, в доме, – стушевался он. – Мы ее в чулане заперли для пробуждения сознательности.

– Идиот! – прорычал Логачев, грозно надвигаясь на старшего группы. – Хочешь, я в тебе и сознательность разбужу, и мозги прочишу, и законность соблюдать научу?!

Багроволицый испуганно попятился.

– Вон отсюда! – рявкнул Васильич.

Ментов словно ветром сдуло. Спустя секунды обе их легковушки сорвались с места и с бешеной скоростью понеслись по проселку.

– Дебилы, – проворчал полковник, осмотрелся по сторонам, остановился взглядом на одной из сосен и, подсечкой сбив с ног Альбертыча, сухо бросил: – Ложись.

Все мы, включая Логачева, одновременно распластались на земле. Бесшумная очередь, пропоров воздух, оставила цепочку вмятин на броне нашего «бумера».

Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... – ответил выстрелами из «ПСС» Васильич и со змеиной быстротой заскользил к лесу сквозь высокую траву, которой зарос неухоженный двор.

– Свидетельница! Альбертыч! Дом! – лаконично скомандовал я майорам Филимонову и Горошко, устремляясь вслед за полковником.

«Преступник знал, что Чухонцев работал на ФСБ и, убрав Сюзанну, затаился, дожидаясь прибытия кураторов. Возможно, он из той самой веселой компании „спецов-убийц“. Если так, то нам крупно повезло!» – промелькнуло в мозгу.

Пф-ф... Пф-ф... – вновь подал голос пистолет Васильича.

Тр-р-р... – стрекотнул в ответ «вал».

К тому времени я уже достиг ближайших деревьев и разглядел смутную тень, метнувшуюся в глубь соснового бора.

Пф-ф... Пф-ф... – дважды пальнул я вдогонку.

Послышался приглушенный стон.

«Кажется, попал! Теперь далеко не уйдет!»

Перемахнув через невысокий заборчик, я снова залег и прислушался. Тишина!.. Затем три раза крикнула сойка – условный сигнал от Логачева, означавший – «Жив, здоров, действую самостоятельно».

Тр-р-р-р... – мгновенно среагировал наш подранок... (Молодец! Настоящий профи!.)

....

Сумев определить по звуку то место, откуда стреляли (метрах в тридцати от забора), я проделал ряд манипуляций, заставивших противника выпустить в меня остаток «магазина», и вихрем понесся к нему. Одетый в спецназовский камуфляж с «разгрузкой», он лежал в небольшой, засыпанной опавшей хвоей ложбине и лихорадочно менял «магазин». Правая штанина и левый рукав набухли кровью. Раненая рука слушалась плохо, что в значительной степени затрудняло перезарядку автомата. И только поэтому я не получил смертоносную очередь в упор! (Случайно встретившись с ним взглядом, я понял – передо мной спец высшей пробы. Не хуже меня самого.)

Пф-ф – я на бегу выстрелил ему в правое плечо. Но... не «обезручил». Видимо, просчитав подобный расклад, он, невзирая на раны, резко отпрянул в сторону (пуля лишь слегка

поцарапала кожу), выхватил боевой нож, но метнуть не успел. Высоко подпрыгнув, я приземлился обеими ступнями ему на туловище. Громко хрустнули сломанные кости. На губах противника показалась кровь, нож выпал из ослабевшей руки. Я уже торжествовал победу – «Живым взял!!! Спецы от таких травм не умирают. По крайней мере сразу. Хватит времени для блицдопроса».

И вдруг произошло непредвиденное. Весь перекошенный от боли и ненависти, он прильнул лицом к верхнему кармашку разгрузки и выдернул зубами кольцо от гранаты.

«Все! – мелькнула отрешенная мысль. – Допрыгался, дятел!»

В следующий момент чья-то могучая рука схватила меня за шиворот и словно котенка отшвырнула далеко в сторону.

Бу-у-бух! – оглушительно рванула эфэшка. В воздухе просвистел вихрь осколков, но ни один из них меня не задел.

«Не иначе Васильич подоспел, – поднимаясь на ноги, подумал я. – Больше никому! А сам... стопроцентно погиб, спасая мою никчемную жизнь. Господи!!! Ну почему **ТАК?!**»

На глаза навернулись слезы. Окружающие деревья окутались мутной пеленой, поплыли, начали раздваиваться. Еще немного, и я бы сорвался, как тогда, после гибели Кости, летом 2006-го (см. «Штрафники»), но тут...

– Эй, Дима! Где ты есть?! Живой?! Не раненый?! – прозвучал знакомый встревоженный голос. И спустя секунды передо мной возник Логачев: целый, невредимый, в изодранном, перепачканном костюме.

– Все в порядке, – проглотив комок в горле, отозвался я. – А ты... ты как??!!

Не отвечая на вопрос, полковник внимательно обследовал меня и, моментально сменив тон, произнес сварливо:

– Эх ты! Недоучка, авантюрист! И башки дурной едва не лишился, и всю малину обгадил. Если бы не твоя идиотская самодеятельность – могли бы взять гада живым. Шансы были пятьдесят на пятьдесят. И вообще, я же подал сигнал – «Действую самостоятельно». Зачем полез поперек батьки в пекло?! Неужто ты настолько тупой?!

Я хоть и имел собственное мнение по данному поводу, предпочел скромно промолчать. Не хотелось препираться с человеком, всего минуту назад, с колоссальным риском для жизни, вырвавшим меня из объятий смерти.

– Ладно. Чего с тебя взять, кроме анализа, – расценив мое молчание на свой лад, смягчился Петр Васильевич. – Пойдем обратно в дом. А ты давай волочи труп, раз уж он по твоей милости образовался. Пускай Альбертыч хоть отпечатки пальцев снимет. Авось пригодятся...

Глава III

– А поаккуратнее было нельзя?! – спросил Ильин, глядя на брошенное в траву изуродованное тело и на тянущийся к нему длинный кровавый след (я всю дорогу тащил боевика за ноги). – В упор небось стреляли?

– Мы здесь ни при чем. Он в последний момент гранату на себя активировал, – пояснил я.

– Надо же! И среди них, оказывается, герои встречаются! – подивился судмедэксперт.

– Просто он прекрасно знал, **ЧТО** его ждет в случае поимки, – по-кошачьи фыркнул Логачев.

– А стало быть, служил когда-то или у нас, или в ГРУ, – добавил я.

– Ты забыл о морском спецназе, – напомнил Васильич (в далеком прошлом – боевой пловец).

– Не-а, не забыл, – покачал головой я. – По параметрам не подходит. У боевых пловцов громадный объем грудной клетки. Вот как у тебя. А у него обычный. Сейчас, конечно, уже трудно разобрать, но я-то видел его при жизни. Причем вплотную, глаза в глаза!

– Жаль, от лица ничего не осталось, – вздохнул Ильин.

– Ну почему же. Есть еще словесный портрет, – возразил я.

– Где?! – вскинулся полковник.

– У меня в голове. На зрительную память, слава Богу, не жалею. Плохо, что художника с нами нет...

– Ошибаешься, – улыбнулся Петр Васильевич. – Я, естественно, не Глазунов, но немножко рисовать умею.

– ??!!

– А чему ты удивляешься? Ведь ни мы, ни наши родители даже не подозревали, **КЕМ** нам придется работать. Ты, Дмитрий, насколько мне известно, закончил с отличием музыкальную школу по классу фортепиано. Тебя прочили в будущие Рихтеры. А я готовился к поступлению в Академию художеств. Однако жизнь распорядилась иначе... – Полковник встряхнул головой, отгоняя воспоминания, и вежливо обратился к судмедэксперту: – В первую очередь займитесь, пожалуйста, нашим «героем». (Сексот обождет, не к спеху.) Выжмите из него максимум возможного. А я, со слов Дмитрия, попробую воспроизвести его («героя») физиономию... Эй, прапорщики! Отнесите пададь в мобильную лабораторию!..

Процесс «воспроизведения физиономии» растянулся на час с лишним. Тем временем майор Горошко обследовал дом, майор Филимонов душевно беседовал с извлеченной из чулана домработницей (предварительно отпоив ее валерьянкой), а Кирилл Альбертович «колдовал» над останками вражеского спеца. И в итоге результаты вышеуказанных трудов превзошли все ожидания!..

Говоря «умею немножко рисовать», Логачев явно поскромничал. Портрет у него получился превосходный, не хуже качественной фотографии.

– Ну как, похоже? Хотя бы отдаленно... – сделав завершающий штрих, тихо спросил полковник.

– Отдаленно?! Да это вылитый он! – эмоционально воскликнул я. – Ты, Васильич, настоящий гений!

– Не мели ерунды, – смутился седой богатырь и, с ходу сменив тему, предложил: – Пойдем к Альбертычу. Может, чего-нибудь да накопал.

Ильина мы застали возле машины. При помощи прапорщика, поливавшего из канистры, он тщательно отмывал окровавленные руки. Рядом лежал застегнутый пластиковый мешок. Надо полагать, с недавним объектом исследований.

– С первым закончил, – завидев нас, проворчал Ильин. – Немного передохну и займусь следующим.

– Ну а как, кхе-кхе, насчет этого? – осторожно осведомился я.

– Удалось снять достаточно четкие «пальчики». Кровь четвертой группы, резус отрицательный. Приблизительный возраст тридцать пять – тридцать семь лет. На мошонке следы перенесенной операции, – скороговоркой сообщил Альбертыч.

– Самая редкая группа крови. Возраст... операция на яйцах. Возможно, где-то нарвался на грамотный удар... Плюс моя мазня. Чудесно! Чудесно! – потер ладони Логачев. – Теперь бы переправить побыстрее полученные данные генералу Нелюбину. Жаль, по ноутбуку не получится!

– В кабинете покойного есть хороший компьютер со сканером, – сообщил подошедший Горошко. – Можно воспользоваться им.

– Надо же, повезло! – изумился Логачев. – В кои-то веки! Ну, коли так, схожу воспользуюсь. А ты, Дмитрий, «собери урожай». (Васильич имел в виду наработки двух моих подчиненных.)

– Докладывай, – повернулся я к Андрею и, внимательно выслушав, вместе с ним направился в дом, к майору Филимонову. Тот расположился в гостиной, где проводил уже упоминавшуюся ранее беседу с приходящей домработницей – симпатичной молодой особой в простом ситцевом платье и с покрасневшими от слез глазами.

Мы застали окончание их диалога. Приведу его полностью:

Лариса Чистякова (завидев нас и сильно вздрогнув): Кто... они?!

Василий Филимонов (тоном заправского психотерапевта): Это хорошие люди. Не чета тем мерзавцам, которые Вам хамили, угрожали и посадили в чулан. Повыше ростом – начальник нашего отдела, полковник Корсаков Дмитрий Олегович... (Тут я щелкнул каблукми и коротко кивнул)... Второй – мой старый товарищ майор Горошко Андрей Всеволодович...

Чистякова (еле слышно): Ваш начальник похож на матерого, опасного хищника из семейства кошачьих. Пожалуй... на тигра. Да, на тигра! Не внешне, а... как бы лучше выразиться, – девушка запнулась, густо покраснев.

Филимонов (с лучезарной улыбкой): Сходство чисто случайное. На самом же деле он – добрейшей души человек. Мухи не обидит! Вы мне верите?..

«Ты бы врал, да не завирался, – с укоризной подумал я, отворачиваясь к окну. Вместе с тем свидетельницу Васа развел на пять с плюсом. Полностью раскованна, не боится высказывать собственное мнение... В общем – молодец майор!»

...**Чистякова** (заметно приободрившись): Верю на двести процентов!!!

Филимонов: Премного благодарен!.. И так, мы остановились на том, что, когда Вы вошли в дом, убийца был еще здесь. Правильно?

Чистякова: Да! Я сразу ощутила постороннее, враждебное присутствие и замерла в прихожей, парализованная страхом. Потом чувство прошло, я позвала Сержа Авдеевича, но он не откликнулся. Тогда я прошла в кабинет, а там... там... Ой, не могу продолжать! Иначе меня снова вырвет!!!

Филимонов (успокаивающе): И не надо продолжать. Господина Чухонцева мы видели. Идем далее. Вы выбежали из кабинета в гостиную, по телефону вызвали милицию, дождались их прибытия, а они заподозрили вас в соучастии.

Чистякова (убитым голосом): Да, заподозрили. Сама не пойму почему...

Филимонов (с неподдельным гневом): Потому что дебилы!!! Работают по принципу – «Хватай первого попавшегося и трясина, пока не сознается». А на большее у них извилин не хватает!.. Ладно, шут с ними. Вы, помнится, говорили, что ваша деревня недалеко отсюда?

Чистякова: Да, всего семь с половиной километров. На дорогу уходит примерно часа полтора...

Филимонов: Так Вы пешком ходите?!!

Чистякова (с некоторым удивлением): А как же еще?

Филимонов: Бедная девочка! Я прикажу нашему водителю отвезти Вас домой. Всего доброго. Вы оказали следствию неоценимую помощь!

Чистякова (робко): Спасибо... До свидания...

После отъезда домработницы мы втроем быстро суммировали добытую информацию. В результате получилась следующая картина.

Убийца прибыл к месту преступления на «своих двоих», через лес. Проник в дом через заднее окно на первом этаже. (На карнизе Горошко обнаружил свежую сосновую иголку, вероятно, «прицепившуюся» по пути к камуфляжу.) Ликвидировал Чухонцева, тем же способом покинул здание и, выбрав удобную позицию, затаился в ожидании **нашей** группы. (Легавые его явно не интересовали.) Домработницу он оставил в живых отнюдь не из чело-веколюбия, а с вполне определенной целью – чтобы девушка вызвала милицию, убийство попало в текущую сводку происшествий и на место выехали кураторы покойного. Получается, он знал об агентурной ипостаси Сержа!

Каким образом прокололся Сюзанна, оставалось лишь догадываться...

– Сходи взгляни на убиенного, – сказал зашедший в комнату Логачев. – Похоже, он под завязку накачан психотропкой!

– Ты ясновидящий?! Ведь нужен же анализ крови, – опешил я.

– Не обязательно, – усмехнулся Логачев. – Пошли со мной, покажу некоторые признаки...

Кабинет Чухонцева, расположенный на втором этаже особнячка, представлял собой странный гибрид офиса делового человека и будуара куртизанки.

Рабочий стол с суперсовременным компьютером соседствовал с узорчатым, обитым бархатом креслом; строгий шкаф, заполненный папками и дискетами, – с заставленной духами резной полочкой, а белые, ребристые стены и потолок – с персидским ковром на полу. Сам Серж застыл в кресле, свесив голову на грудь. Он был одет в цветастую майку, легкие шорты и шлепанцы на босу ногу. Лицо, с вываленным наружу языком, обильно налилось кровью. Шею стягивала закрученная под затылком проволочная удавка.

– Ну и? – вопросительно глянул я на Логачева.

– Подойди к нему поближе и внимательно осмотри тело, – посоветовал полковник. – Может, сам догадаешься.

– Следы сильного внутреннего кровоизлияния на внутренней стороне локтевого сгиба правой руки, – спустя пару минут констатировал я. – Так бывает, когда поспешно, не церемонясь, делают укол в вену. Наркоманом Сюзанна не был. К тому же так грубо колот кто-то явно посторонний... Шприц Горошко не обнаружил. Стало быть, он (то есть шприц) валяется где-то в лесу. Нда-а... интересно! Но для окончательного диагноза маловато. Или я что-то упустил?

– Совершенно верно, – подтвердил Васильич. – Как тебе известно, психотропка (особенно в больших дозах) вызывает нарушение сердечной деятельности. Ты не обратил внимания на характерные припухлости кистей рук и голеностопов, возникающие при подобном нарушении.

– Да, действительно, – еще раз обследовав труп, согласился я. – Есть припухлости. Плюс мокрые шорты, воняющие мочой. Надо думать, Чухонцев даже не пробовал сопротивляться. Увидел нацеленный ствол, обоссался со страха и позволил делать с собой все

что угодно. Убийца всадил ему «сыворотку», допросил, а затем ликвидировал. Тем не менее безоговорочный ответ насчет психотропки может дать только анализ крови.

– Так в чем проблема?! – прищурился Логачев. – У нас лаборатория во дворе, а при ней Альбертыч. Он выдаст результат за пять минут.

– Хорошо, потащили, – вздохнул я. – Давай, ты за руки, я за ноги.

– Мы-ы-ы?!?!

– Один из прапорщиков повез свидетельницу домой, – пояснил я. – А хмырь толстый, тяжелый, под центнер тянет. Не станем же мы эксплуатировать оставшегося водителя! Чай не обнаглевшие баре и не белоручки. Сами донесем!

– Тогда другое дело, – мгновенно успокоился полковник. – Ну-у-у... раз, два, взяли!!.

Ильин «выдал результат» хоть и не за пять минут, но достаточно оперативно. Диагноз Логачева полностью подтвердился. В крови покойного оказалась лошадиная доза пентонала натрия. И как сердце выдержало, ума не приложу!!!

– Итак, вражеским спецам известно, кто конкретно на них охотится, – мрачно резюмировал Васильич.

– При убитом боевике не обнаружено ни остатков рации, ни иного передающего устройства, – возразил я.

– Ты забыл про компьютер в кабинете Чухонцева, – напомнил седой богатырь и, немного помолчав, спросил: – Каким объемом информации обладал Сюзанна?

– Небольшим! Я дал ему задание непосредственно от своего имени. Ни о директиве руководства, ни о сотрудничестве с вашим ведомством, естественно, не заикался. А кроме того до отвала накормил дезой, мол, кроме тебя, в вашей либеральной своре трудятся еще с десяток наших агентов. Все – фигуры значительные, лично с тобой знакомые. Но ты их ни в жисть не заподозришь. Они прекрасно законспирированы! Так что, сучонок, каждый твой шаг будет под пристальным наблюдением. Переданные тобой сведения будут тщательнейшим образом перепроверяться, ну и так далее и тому подобное. Он, помнится, аж с личика спал от волнения. – Я усмехнулся и закурил сигарету.

– Деза – это хорошо. Внесение разлада в стан врага – великое дело, – задумчиво произнес Логачев. – Пусть нервничают, озираются друг на дружку, подозревают всех подряд подельников и старательно ловят мифических агентов ФСБ. То-то шороху будет!.. Однако меня беспокоит иное. – Тут он тяжело вздохнул. – Отныне ты, Дмитрий, стал живой мишенью. Тебя постараются убрать в первую очередь!

– Вот и отлично! – рассмеялся я. – Пока меня будут убивать, вы незаметно подкрадетесь сзади и накроете честную компанию.

– Опять смерти ищешь? – надулся Петр Васильевич. – Но в таком случае тебя следует немедленно отстранить от операции и запереть под замок в надежном месте. Пока не опомнишься!

– Извини, неправильно выразился! – поспешил оправдаться я. – Имелось в виду другое – работать приманкой. Всего-то навсего. Занятие знакомое, мне не привыкать. А уж замочить себя я так просто не позволю. Будь спокоен!

– Впредь фильтруй базар, – по-прежнему мрачно проворчал Логачев. – Иначе...

Речь моего рассерженного друга прервал оживший прибор связи. Из мощной мембраны до меня донесся оживленный голос Ерохина. Внимательно его выслушав, полковник просветлел ликом.

– Федорыч установил гаденыша, грозившего нам «черной меткой», – довольным тоном сообщил он. – Сегодня же будем брать!..

Глава IV

«Установленный гаденыш» оказался Войковым Яковом Михайловичем, совладельцем торгово-промышленного холдинга «Атлантида» и влиятельной (но неизвестной широким массам) фигурой в «либерально-демократической» оппозиции.

– Обратите внимание на фамилию, – шнуруя кроссовки, сказал Логачев. – Как у того убийцы царской семьи, в честь которого почему-то по-прежнему называется станция метро и несколько улиц.

– Почему-то! – желчно передразнил Ерохин. – Тут как раз все ясно! Нынешние «демократы» – духовные наследники большевиков. Вот они и намекают: «Как насильовали Россию, так и будем насильовать. Наша власть остается незыблемой! Только названия меняет...»

– И лысый вурдалак до сих пор в Мавзолее, в центре столицы, – подхватил я. – Целый институт трудится, чтобы эта пададь не протухла. Ты, Федорыч, неточно выразился – они не намекают! Они недвусмысленно дают понять!

– К тому же мумия Ленина имеет для них огромное значение, – проворчал Петр Васильевич. – Да вы оба наверняка в курсе...

Разговор происходил в одном из нелюбинских «офисов», где мы втроем заканчивали приготовления к небольшой загородной прогулке. Означенная прогулка (к особняку Якова Михайловича) имела целью захват господина Войкова, наркодопрос оного, а дальше... «дальше видно будет».

Последние три слова принадлежали генералу Нелюбину, санкционировавшему операцию. Он же поставил нам жесткие условия: «Никакого шума, стрельбы и кровопролития. Единственное ваше оружие (на всякий пожарный) – баллончики с усыпляющим газом. «Объект» должен тихо и незаметно исчезнуть из дома. Для спецов вашего уровня – это не проблема. Тем более что охрана там несерьезная – двадцать человек из числа бывших ментов. Всего-то навсего!»

Логачев с Ерохиным лишь кивнули послушно, зато я не удержался:

– Недооценка противника может привести к провалу операции. Мент менту рознь. У вас есть подробные досье охранников? А вдруг кто-то из них служил раньше в спецподразделениях или участвовал в боевых действиях?!

– Досье есть. Не служили, не участвовали, – улыбнулся Борис Иванович. – Все они обыкновенные легавые, сильно замаранные по службе. (Взятки, «казачьи» уголовные дела, аморальное поведение, неоправданная жестокость к задержанным и так далее.) Тем не менее Вы отчасти правы. Судьба – дама капризная, своенравная и любит преподносить неожиданные сюрпризы. Поэтому перестраховемся. Помимо баллончиков, возьмите с собой пистолеты и боевые ножи. Но их используйте лишь **в самом крайнем случае!** А затем аккуратно заметите следы и «переведите стрелки». – Тут он дал несколько толковых советов по данному поводу и распорядился: – Идите готовьтесь: переоденьтесь поудобнее, досконально изучите план особняка, просмотрите досье охранников, распределите роли. Выезд – в одиннадцать вечера. По прибытии на место получите дополнительную информацию от группы наружного наблюдения. Все, желаю удачи!!!..

– Без двух одиннадцать, – покосился на часы Логачев. – Ну-ка, попрыгали!

Мы привычно попрыгали, проверяя, хорошо ли подогнано снаряжение, и вскоре голос из селектора сухо сообщил:

– Машина у подъезда. Черный джип без шофера.

«Наверняка меня за руль посадят, – нахмурился я. – Как младшего по возрасту, хотя все мы в одинаковых званиях. Развели, понимаешь, дедовщину!»

– Поведу я, – развеял мои подозрения Петр Васильевич. – Дорога запутанная, замучаетесь с картой возиться. А мне уже доводилось бывать в тех краях. Домчу с ветерком!..

Логачев сдержал слово. Миновав Кольцевую, он развил бешеную скорость, пропетлял по каким-то темным проселкам и спустя короткий промежуток времени резко затормозил у расколотого молнией старого дуба.

– До усадьбы сто с небольшим метров, – гордо сообщил Васильич. – Видите, как я облегчил нам жизнь? (Полковник имел в виду предстоящую транспортировку пленника в багажник.)

– Не близковато ли? – усомнился Ерохин.

– Не-а! – беспечно отмахнулся седой богатырь. – Ветер дует в нашу сторону. Ни фига они там не услышат!

– А если ветер переменится? – не унимался дотошный Виталий Федорович.

– Согласно прогнозу погоды, он будет дуть в восточном направлении вплоть до утра. – Логачев сладко, по-кошачьи потянулся и добавил: – Давай, Федорыч, связывайся с «наружниками». Пора приступить к операции.

«Мне бы твой оптимизм! – брюзгливо подумал я. – «Согласно прогнозу погоды»... Гм!!! Синоптик, так же как сапер, ошибается один раз, но... каждый день!»

«Наружка» в составе двух человек бесшумно появилась из-за деревьев секунд через сорок.

– Я старший группы, он – проводник, – пояснил худощавый, неприметный мужчина, указав на своего товарища, телосложением и неприметностью похожего на него как две капли воды. – Остальные продолжают работать с аппаратурой. На данный момент обстановка в усадьбе такова... – Он подробно описал и добавил: – У нас приказ генерала – держать вас в курсе любых текущих изменений. Ваши позывные нам известны, наш общий позывной – «Мышь». Итак, возьмите. – Он выдал каждому миниатюрное, радиопередающее устройство с наушником и ларингофоном, помог закрепить и после проверки коротко бросил Второму: – Проводи...

Проводник вывел нас к небольшой бронированной дверце с обратной стороны забора, дал ключ от нее, шепнул: «Другой такой есть только у Войкова» – и растворился в темноте.

– Ну, с Богом! – запросив текущую обстановку у «наружки», перекрестился Логачев (мы с Ерохиным последовали его примеру), рукой в резиновой перчатке вставил ключ в замочную скважину и осторожно повернул. Хорошо смазанные петли не скрипнули. Мы беспрепятственно проникли на территорию усадьбы и разделились согласно оговоренной схеме. Я и Логачев теньями скользнули к дому. Ерохин остался прикрывать. По сведениям «наружников», Войков находился сейчас в спальне на втором этаже. Один охранник дежурил в будке у главных ворот, трое лениво совершали плановый обход, остальные отдыхали. Исключение составлял лишь начальник службы безопасности, бродивший по коридорам особняка. Я быстро прокрутил в голове информацию из его досье: «Фомичев Николай Юрьевич, 1965 года рождения, в недавнем прошлом – полковник милиции... Моральные качества – подл, беспринципен, жесток, склонен к педофилии... Вплоть до сентября 2006-го возглавлял отделение милиции в городе Прудянске Н-ской области... Крышевал местных наркоторговцев, да так усердно, что Прудянск превратился в настоящую Мекку областных наркоманов. Героин там свободно продавался и через дилеров (о занятиях коих знали практически все соседи), и в разбросанных по городу круглосуточных (!) цветочных ларьках. А так называемые легкие наркотики (марихуану, насвай и т. д.) можно было спокойно приобрести в любой коммерческой палатке. Наркоманская идиллия продолжалась достаточно долго. Но в один прекрасный день грянул гром. Любимую племянницу губернатора области, приехавшую погостить к институтской подруге, избили, изнасиловали и посадили на иглу трое наркоманов. (Близкие знакомые означенной подруги.) Проведав о случившемся,

губернатор не на шутку обиделся и сурово покарал тех, до кого смог дотянуться, а именно: насильников, подругу, наиболее засвеченных наркодилеров (всех убили «при попытке к бегству»). Основательно тряхнули местечковую наркомафию вместе с «крышей», в результате чего она (наркомафия) ушла в подполье, а ряд ментов-крышевальщиков отправились загорать на нары. Однако Фомичев ухитрился выйти сухим из воды.

Едва начались репрессии, он стремительно ушел в отставку и уже на следующий день возглавил службу безопасности господина Войкова, по нашим сведениям, имевшего непосредственное отношение к «верхней» наркомафии, губернатору недоступной». Такой вот фрукт...

– Мангуст, я Мышь, – когда мы проникли на первый этаж, прошелестело в наушниках. – Начальник С.Б. зашел в спальню к основному фигуранту.

– Придется брать обоих, – жестами показал мне Васильич, получивший аналогичную информацию.

Я молча кивнул в знак согласия. Поднявшись по мраморной лестнице, мы очутились в широком, застеленном коврами коридоре. Высоко под потолком горели позолоченные светильники. Из-за ближайшей двери доносились приглушенные голоса. Подкравшись вплотную, мы прислушались.

– ...нюхом чую надвигающуюся опасность! – волнуясь, говорил дребезжащий фальцет. – Враги где-то поблизости!

– Т-ты уверен-рен? – промямлил сиплый тенор. – Д-думаешь, т-те р-разбойники с выставки п-пробрались с-сюда?!!

– Нет, Хозяин, не они, – пискляво возразил фальцет.

– А к-кто?!!

– Люди губернатора!!!

– Кто?!! – Тенор мигом прекратил заикаться и, хохотнув, изрек: – Ты дурак, Колька! До меня у них руки короткие. Неужто не успел убедиться? Не рискнет губернатор со мной связываться. Стоит мне звякнуть кой-кому, и под ним земля загорится. Синим пламенем!

– И, тем не менее, я чую недоброе! – настаивал фальцет. – Весь вечер места себе не нахожу! Как будто Смерть ходит за мной по пятам и дышит в затылок!

– Значит, параноиком стал, – заключил тенор. – Пожалуй, придется тебя уволить. Тогда, без моего покровительства, губернатор тебя точно сожрет!

– Ни-на-а-да!!! – отчаянно взвизгнул фальцет. – Миленький, родненький, умоляю!!!

– А минет мне сделаешь, хе-хе, в знак уважения?

– Да!!! Да!!! Да!!!

– Вставай на колени и подползай. Я пока приготовлюсь...

– Заходим. Берешь мента, – жестами показал Логачев.

Толкнув незапертую дверь, мы со стволами на изготовку ворвались в роскошно обставленную, но пропахшую потом спальню, тускло освещенную декоративной напольной лампой-ночник.

На краю широченной постели сидел, раздвинув ноги, голый тип – костлявый, поросший красноватой шерстью, с глумливой физиономией, распухшим носом... (моя работа)... и с заметно удлиненными ушами. Рыжая прическа а-ля Трахтенберг вкупе с вышеописанными «прелестями» делала его похожим на черта. Яков Михайлович Войков собственной персоной, предвкушающий некое поганое действие «в знак уважения».

К нему подползал на коленях грузный мужчина с пышными усами, в отглаженных брюках, в защитного цвета рубаше и с болтающейся под мышкой кобурой. Завидев нас, оба разинули рты, собираясь заорать (причем Фомичев даже не дернулся к оружию), но... не успели издать ни звука. Логачев стремительно метнулся к Войкову и сунул ему в пасть дуло «ПСС».

А я пнул ногой в челюсть бывшего полковника, и тот, тихонько хрюкнув, завалился на бок.

– Где ключ от задних ворот?! – страшным, свистящим шепотом спросил Логачев смертельно-бледного фигуранта. Дрожащим наманикюренным пальцем Яков Михайлович указал на журнальный столик красного дерева, на котором действительно лежала связка ключей. Быстро отыскав среди них такой же, как у нас, я молча предъявил его Васильичу, положил связку в карман и занялся начальником С.Б., начавшим постепенно приходить в сознание. Засунул ему в рот резиновый кляп, вынул из кобуры и сунул себе за пояс «макаров»-особый с глушителем, ударом в болевую точку парализовал пленнику правую руку и вопросительно посмотрел на напарника. Логачев уже закончил «пеленать» Войкова, представлявшего теперь весьма забавное зрелище: нечто голое, мохнатое, завязанное в причудливый узел, местами замотанное скотчем, с точно таким же, как у «Кольки», кляпом во рту...

Фомичев с мычанием открыл глаза и (наконец-то!) потянулся здоровой рукой к кобуре.

– Она пуста! – прошипел я. – А издашь еще хоть один звук, башку снесу! – Для пущей убедительности я продемонстрировал экс-полковнику конфискованный ствол.

Испуганно моргнув короткими ресницами, он моментально заткнулся.

– Понесешь ЭТО, – указав на узел, продолжил я. – Левую руку тебе специально оставили, придерживать будешь. И запомни, чмошник, не вздумай дурить по дороге! Иначе... – Я ткнул ему в нос дуло его собственного «макарова»-особого. – Усвоил?!

Экс-полковник часто, утвердительно закивал.

– Вот и ладушки! – Вдвоем с Васильичем мы надели живое ярмо на шею дрожащему в ознобе Фомичеву и, предупредив обоих: «Ни звука, твари! Дышать через раз», – покинули спальню.

Я двигался первым, с трофейным пистолетом в руке. Логачев шел замыкающим.

Мы с Васильичем скользили бесшумно, зато тяжелые шаги нагруженного Фомичева хоть и скрадывались коврами, но все-таки были слышны.

«Не принесла бы кого нелегкая! – с тревогой подумал я. – Ситуация с самого начала стала складываться не так гладко, как планировал Нелюбин. Ох, чует сердце, будут новые, нежелательные встречи!»

И действительно...

– Мангуст, я Мышь! – прошелестело в наушниках. – На первом этаже появились трое охранников. Автоматы – в положении для стрельбы стоя. Озираются по сторонам. Похоже, чем-то обеспокоены.

– Понял, спасибо, – шепнул в ответ я и мысленно ругнулся: «От блин! Хмыри из дежурной смены, совершавшие плановый обход. Интересно, что именно они заподозрили?!»

Я показал Логачеву три пальца и провел ладонью по горлу. Утвердительно кивнув, он рывком за одежду остановил нашего «носильщика».

Подкравшись к концу коридора, я одним глазом выглянул из-за угла. Внизу, метрах в пяти от входной двери, негромко переговаривались трое в камуфляжах.

– Тебе померещилось, – утверждал один. – Никого постороннего там нет и быть не может!

– В спальне хозяина мелькали какие-то «левые» тени, у меня отличное зрение, я точно видел! – убежденно возражал второй.

– И Юрьич весь вечер на измене сидел, – добавил третий. – А его не проведешь! Он опасность жопой чувствует!

– Просто вы оба перессали из-за той оттраханной и задушенной деревенской малолетки, – грязно ухмыльнулся первый. – Воображаете, будто ее родственнички нашли труп, вычислили злодеев, превратились в ниндзей и явились мстить!

– Ты, между прочим, тоже попользовался сопливкой, – огрызнулся второй. – Так что мы с тобой в одной упряжке!

– Дело в другом, – примирительно сказал первый. – Просто ни эти лохи, ни местная милиция никогда в жизни...

Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... – вынырнув из укрытия, всадил я каждому по пуле в лоб.

Мёртвые тела повалились друг на друга. Автоматы звякнули о мраморный пол. Я замер, вслушиваясь в тишину. Прошла минута, полторы... Но нет! Ни хлопки, ни звяк, ни болтовня ублюдков никого в доме не потревожили. Особняк продолжал мирно спать.

– Продолжаем движение, – переведя дыхание, показал я напарнику.

Процессия двинулась дальше.

Из трупов успела натечь изрядная лужа крови. Мы с Васильичем аккуратно ее перепрыгнули, а Фомичев, словно сомнамбула, протопал прямо по ней.

«Чудненько! Оставь побольше следов! – мысленно порадовался я. – Плюс пули из твоего «макара». Доказательств больше чем достаточно!»

Дальнейшее путешествие по территории усадьбы обошлось без приключений.

– Осложнения? – указав на «носильщика», шепнул поджидавший нас Ерохин.

– Ага. Плюс три «двухсотых» на первом этаже, – ответил я.

– ??!!

– Не волнуйся. Убил их он, оставив кучу вещдоков, – хлопнув Фомичева по макушке, успокоил товарища Логачев. – А сейчас сваливаем в темпе. Не стоит больше искушать судьбу!

Заперев дверь в заборе ключом Войкова и попросив «наружников» держать нас в курсе происходящего в доме, мы с максимально возможной скоростью направились через лес к джипу.

Тревога в особняке поднялась не скоро. К тому времени мы, с пленниками в багажнике, успели миновать паутину проселков, Кольцевую дорогу и почти добраться до упоминавшегося выше нелюбинского «офиса»...

Глава V

«...США и Западу не нужна сильная Россия, о чем открыто заявляют с самых высоких трибун. Американский конгрессмен, замминистра обороны Пол Вольфовиц, еще в 1992 году открыто заявил, что главная задача США – не допустить восстановления России как крупного государства, свободного в принятии политических решений. Ему вторит известный политик Збигнев Бжезинский, один из авторов проекта по развалу СССР: „России следует отказаться от планов возрождения великого государства...“ И таких откровенных высказываний пруд пруди. Западные стратеги утверждают, что Россия представляет собой случайное соединение отсталых народов. Они, как Гитлер, опять сравнивают Русь с колоссом на глиняных ногах. Но опять забывают, что о наши «глиняные ноги» разбились стальные головы лучших армий Европы – шведской, польской, французской и германской. Полагать, что другие головы ждет иная судьба, нет оснований. Поэтому судьбу они не испытывают и прямой агрессии предпочитают змеиную тактику...»
«Проект „Россия“». М., 2007, ч. 1 с. 216–217.

Нелюбин дожидался нас на третьем, подземном уровне здания в специальной комнате для наркодопросов и, коротая время, перелистывал пухлую папку. (Борис Иванович уже знал об итогах операции. Не иначе «Мышь» доложила.)

Первым в помещение ввалился потный, задыхающийся Фомичев с «узлом» на шее. Не мудрствуя лукаво мы по выходе из машины продолжили транспортировку фигуранта прежним способом.

– Так вот ты каков, пятнистый олень! – оторвавшись от чтения, хищно усмехнулся генерал и обратился ко мне: – Дмитрий Олегович! Выньте, пожалуйста, кляп у бывшего полковника.

– А??! – опешил я. – На фига Вам сдалось это выючное животное?!

Логачев незаметно толкнул меня локтем в бок, мол, «Чего мелешь, идиот?! Совсем о субординации забыл?!».

Но Нелюбин не обратил внимания на мою вольность и столь же вежливо пояснил:

– Получив информацию о захвате вами сего господина, я ознакомился с его досье и понял. Воистину на все Воля Божья!!! Если бы операция развивалась строго по плану, то животное, как удачно выразился полковник Корсаков, осталось бы живо-здорово. На худой конец подалось в бега, опасаясь мести лично задетого губернатора. А так... Гм!!! Так оно наконец-таки получит по заслугам... Будьте любезны, снимите с него фигуранта и нормализуйте правую руку, – после короткой паузы попросил он Логачева.

– Что... Что Вы собираетесь сделать?! – испуганно пробормотал освобожденный от ярма и «нормализованный» Фомичев.

– Душу отвести! – Приятное, интеллигентное лицо Бориса Ивановича вдруг резко изменилось: стало враждебным, жестоким. В глазах вспыхнули волчьи огоньки. – Благодаря таким, как ты, крысам нация вырождается, вымирает! – прорычал он. – Пока мы не можем уничтожить всех вас в масштабах страны. Присутствующие в курсе, **ПОЧЕМУ**. Однако рано или поздно настанет наше время! И тогда мы проведем грандиозную чистку общества!.. Но знаешь ли, крыса, я... лично я устал ждать! А потому с огромным удовольствием собственноручно порву хоть одного из вас. Защищайся, крыса, так будет интереснее!!!

Хлеть! Нелюбин влепил Фомичеву смачную оплеуху. Тот отшатнулся назад и заскулил побитой шавкой, но даже не попытался прикрыть лицо.

Бац! Второй удар, кулаком в челюсть (не в полную силу) посадил экс-мента на задницу.
– На! – Короткий тычок носком ботинка расквасил потную физиономию.
– Ы-ы-ы-ы-ы!!! – гнусаво, на одной ноте зарыдал Фомичев.
– Оно не будет сопротивляться, – осторожно заметил я. – Разве что пол обоссат в отместку. Зря время тратите, Борис Иванович!

– Вы правы, – поморщился генерал, мягко ступая, приблизился к Фомичеву и коротким, профессиональным движением свернул ему шею. Грузное тело распростерлось на полу, мелко подергивая ступнями.

Нелюбин нажал кнопку в стене.

Спустя несколько секунд перед нами возникли два здоровенных мужика в рабочих спецовках.

– Отнесите пададь в кремационный зал и суньте в печь, – распорядился Борис Иванович. По переговорному устройству вызвал врачей и обратился ко мне: – Удалось выяснить личность типа, убившего Сюзанну, пытавшегося ликвидировать вашу группу и подорвавшего себя гранатой. Пока идет наркодопрос, рекомендую Вам ознакомиться с распечаткой информации, присланной смежниками по электронной почте, и постараться ее проанализировать. А с «откровениями» Войкова, имеющими отношение к делу, я Вас потом ознакомлю. Вот возьмите. – Он протянул мне папку-скоросшиватель: – Работать можете в соседнем помещении с правой стороны. Там Вам никто не помешает!..

Покосившись на Логачева с Ерохиным, бесцеремонно прикреплявших фигуранта к оцинкованному столу, я вышел в подземный коридор. Предложенное генералом помещение представляло собой маленький, удобный кабинетик со столом, стулом, настольной лампой, чистой пепельницей и мощным кондиционером. Звукоизоляция была превосходной, и из допросной сюда не проникало ни звука.

Устроившись поудобнее, я включил кондиционер, закурил сигарету, раскрыл папку и погрузился в чтение...

Краткие выдержки из распечатки, предоставленной Корсакову генералом Нелюбиным

«...Майор Адамов Виктор Андреевич, 1964 года рождения, круглый сирота, воспитывался в детском доме... С 1982 по 1984 год проходил службу в ДШБр в Республике Афганистан. Демобилизовавшись, поступил в офицерское училище... С 1990 года служил в ГРУ... Участвовал в боевых действиях на территории Абхазии и Приднестровья... В 1994 – 1996-м и в 1999–2003 годах выполнял специальные задания командования на территории Чеченской Республики... В совершенстве владеет различными видами прикладных единоборств, холодным и огнестрельным оружием... Свободно говорит на английском, немецком, французском, арабском и чеченском языках... По характеру замкнут, необщителен, скуп, близких друзей среди сослуживцев не имел... Был женат на Марковой Вере Степановне 1967 года рождения, умершей от рака в 1994 году. Детей от брака нет... Награжден боевыми орденами и медалями (далее – длинный перечень. – Авт.)...»

«...В июне 2003-го работал под прикрытием в среде боевиков, был разоблачен ими, подвергнут жестоким пыткам и расстрелян. Видеозапись казни подброшена на один из блокпостов федеральных сил...»

«Однако смежники на сей раз предельно откровенны, – закончив чтение и выделив карандашом некоторые абзацы, подумал я. – Конечно, следуя укоренившейся привычке, они

не называют вещи своими именами, но ясно дают понять – **Адамова перевербовали**. Чего стоит хотя бы такой пассаж – «Видеозапись подброшена на один из блокпостов федеральных сил». Ой, не смешите! Да если бы Адамова впрямь казнили, означенная видеозапись появилась бы и в Интернете, и на множестве зарубежных телеканалов. О раскрытии «борцами за независимость» имперского шпиона-диверсанта протрубили бы все подконтрольные массонам мировые СМИ... Опять же – «расстрелян». Кадровые офицеры ГРУ, честно выполнившие свой долг, попавшие в руки мятежников и оставшиеся верными присяге, умирали лютой смертью. Их рвали на части лошадьми или бронетехникой, распинали на крестах, поджаривали на медленном огне и т. д. и т. п. А тут вдруг такой невероятный гуманизм!!! Ну хорошо, предположим, при казни присутствовала целая армия западных корреспондентов. Но почему тогда ее (запись) не растиражировали по всему белу свету, а украдкой подбросили на блокпост... Идем далее: исходя из послужного списка Адамова – отличное знание четырех иностранных языков (чеченский не в счет), постоянные «специальные задания», работа под прикрытием, – он представлял интерес скорее не для мятежников, а для какой-то из иностранных разведок, активно действующих на Северном Кавказе. И использовали его потом не в войне с федеральными войсками, как, допустим, мерзавца Ромейко (см. «Царство страха»), а для чего-то иного... Та-а-ак!!! И что все это нам дает?! В смысле выхода на остальных членов группы. Да ничего конкретного! Имеем образец «почерка» при ликвидации Чухонцева (типично гереушный, особенно с учетом последующей засады), а толку-то... Хотя... – Тут я прокрутил в памяти известные акции вражеских спецов, хлопнул себя по лбу и густо покраснел от осознания собственной тупости: – Ларчик-то просто открывался! И ответ давно был на самом виду, а я, недоумок, его в упор не замечал!

Возьмем эпизод номер девять – убийство на личной яхте некоего господина Журбина. (Найден мертвым, в спальном каюте, со свернутой шеей.) Судя по определенным признакам (на которые менты не обратили внимания), оно совершено боевым пловцом. На борту остались глубокие, свежие царапины от «кошки». Кроме того, стюард, обнаруживший тело, упоминал о мокрых следах на палубе и в каюте... Эпизоды номер один, четыре, семь и восемь напоминают жесткие зачистки в Чечне... (это когда валят всех подряд)..., проводившиеся в особых случаях спецназом внутренних войск. Итак, перед нами сборная команда спецов-предателей из различных ведомств. Опаснейшая, доложу вам, штука! После тщательного боевого слаживания они станут мастерами на все руки, прекрасно дополняющими друг друга и способными выполнить любое задание! Если их вовремя не обезвредить, то **такого** наворотят, не приведи Господи!!! Кроме того, все их операции блестяще организованы, любой шаг просчитан до мелочей. Значит, у них есть очень неслабый аналитик, эдакий супермозг группы. Нда-а-а уж! Приготовили нам добрые дяди из-за бугра сюрприз на 2008 год!!!»

– С фигурантом закончено. Тебя Нелюбин зовет, – сказал заглянувший в кабинет Логачев.

С Войковым было «закончено» в прямом смысле слова. Известные читателю «рабочие» укладывали на носилки снятое со стола мертвое тело: с бледным, заострившимся лицом, отвисшей нижней челюстью и остекленевшими глазами. Врачи уже успели удалить, но я и без них понял – обширный инфаркт. Такое бывает под воздействием психотропки. Довольно частый побочный эффект, особенно если здоровьице не ахти.

– В печь! – бросил «рабочим» генерал и, когда они вышли с трупом, поинтересовался: – Надумали что-нибудь, Дмитрий Олегович?

– Адамова завербовала одна из иностранных разведок. Или сам завербовался. Недаром в досье упомянуто о его жадности, дипломатично названной «скупостью». Точную численность группы «спецов-убийц» назвать не могу. Но скорее всего она невелика: шесть-восемь человек. Они постоянно живут в режиме «война» и большой объем для них помеха (ухуд-

шает мобильность, увеличивает вероятность провала). Теперь самое неприятное – перед нами сборная команда! Помимо гэрэушника Адамова в ее состав входят: боевой пловец, представитель спецназа внутренних войск и высококлассный аналитик. Вычислить остальных, к сожалению, не удалось. Но, если следовать логике, там должен быть выходец из ФСБ и... и кто-то еще...

– Ну Вы даете! – поразился генерал. – С Адамовым понятно, но остальное... **КАК?!! КАКИМ ОБРАЗОМ?!**

– Мысленно проанализировал их акции, – понурившись, сообщил я. – Выводы лежали на поверхности, и я должен был сделать их раньше, но по причине тупости, безалаберности и невнимательности...

– Хватит!!! – треснул кулаком по столу Борис Иванович. – Вы, Корсаков, отличный работник, однако склонны к постоянному самобичеванию. Приказываю прекратить!!!

– Есть прекратить самобичевание (вполне заслуженное, кстати)... – тяжело вздохнул я и, помедлив, спросил: – Ну а как допрос Войкова? Есть хоть какой-нибудь толк?!

– Огромный! – улыбнулся Нелюбин. – Он поведал очень и очень многое о тайных пружинах масонского влияния в России. Но это на будущее... Когда настанет срок... Что же касается нашего дела, то фигурант назвал посредника, через которого вражеские спецслужбы получают заказы на устранение коммерсантов. Между прочим, недавнее убийство Гамида Ахмеджанова заказал сам Яков Михайлович. Причина – «денежный интерес», как выражаются гадалки. Колоритнейшая личность! – Улыбка на губах генерала сменилась брезгливой гримасой. – Некто Жорес Панферов, в прошлом преподаватель физики в ПТУ, а ныне владелец сети секс-шопов. Коммерческую деятельность активно сочетает с общественной, а именно – регулярно строчит статьи о «засилье Православной церкви», о превращении России «в клерикальное государство» и тому подобное. За что... Вы только не падайте в обморок... получил год назад Нобелевскую премию! А в эпоху правления Ельцина он купил себе звание академика. Тогда это запросто делалось. Да и сейчас... – Борис Иванович остервенело сплюнул в урну.

– Установим постоянное наблюдение, – полувопросительно, полуутвердительно произнес Ерохин.

– По всем правилам так бы и следовало поступить, – пасмурно ответил Нелюбин. – Но... есть одно большое «НО». Липовый академик наверняка лишь промежуточное звено. При малейшем подозрении его моментально ликвидируют. А подозрение у наших «друзей» вполне могло зародиться... поскольку исчез Войков. Нет, нет! Сработали вы чисто. Покойного похитил Фомичев, ухлопал трех подчиненных и скрылся в неизвестном направлении. Однако где гарантия, что он не был завербован ФСБ?!

– Проверят по своим каналам и убедятся в обратном, – осторожно заметил я.

– Проверка займет уйму времени, – покачал головой генерал. – А промедление для них смерти подобно, поэтому, как мне кажется, они не станут напрягаться на сей счет. Слишком многое поставлено на карту. Просто шлепнут Панферова, да и дело с концом. Чай не велика потеря! Другого такого «академика и лауреата» слепить не сложно...

– Значит, надо брать, пока не опоздали, – резюмировал Логачев.

– Тепленьким, на дому, в постельке? – уточнил я и, не удержавшись, зевнул.

– Лучше на улице. – Борис Иванович покосился на часы. – Каждый день ровно в девять утра он отправляется к себе в офис... (интересно, откуда инфо?!)... По дороге и «спеленаете» голубчика. А пока поспите малость. Вы буквально с ног валитесь. А задействовать дополнительных людей нельзя. Дело слишком... кхе, кхе... щепетильное.

– Обойдемся без отдыха. Нас могут опередить! – проворчал Ерохин.

Мы с Логачевым синхронно кивнули в знак согласия.

– Тогда пожуйте лимонник. Хорошо взбадривает. – Нелюбин подошел к стенному шкафчику, достал оттуда стеклянную баночку с красными сушеными ягодами и протянул нам: – Дозировку знаете?

– Естественно, – ответил за всех Логачев.

– Ну... в добрый путь! «Мышь», к сожалению, подтянуть не могу. Им у войковской усадьбы работы хватает. Стало быть, отправляйтесь втроем. Или... нет! Пару надежных ребят я вам все-таки дам. Они не слишком опытные, но оружием владеют отменно. Удачи вам, господа офицеры! И... возвращайтесь живыми!!!..

Глава VI

Рассвело. Но благополучные горожане не спешили вылезать из постелей. Рано еще на работу. А сон сейчас самый сладкий, самый приятный и самый крепкий... у большинства людей. (Типы вроде меня не в счет.) Итак, город продолжал спать. Одни лишь дворники-гастарбайтеры старательно вылизывали пешеходные дорожки, дворы и скверы.

По мнению городских властей, **они** к людям не относились. Так же как их товарищи по несчастью, вкалывающие на стройках чернорабочими, на грязных работах в ЖКХ, претящих «благополучным», и так далее. Рабы и есть рабы. Ими можно помыкать, селить в тухлых подвалах, платить чисто символически и эксплуатировать как черт на душу положит. Куда они на фиг денутся?! Кому пожалуются?! А чем больше рабов, тем больше прибыль... Эх, господа чиновники, недоучки тупоголовые!!! Неужто вы совсем не знаете историю (хотя бы по кинофильмам) и не понимаете, к **ЧЕМУ** все это может привести?! Впрочем, я отвлекся...

Наш микроавтобус «Шевроле» (бронированный, с усиленным в несколько раз движком) стремительно мчался по пустынным улицам. За рулем сидел Виталий Федорович – общепризнанный в Конторе ас вождения и, по моим собственным наблюдениям, давно переплюнувший пресловутого Шумахера. (См. «Пленных не брать»). Лимонник, старательно разжеванный под бдительным присмотром Логачева, оказал на меня волшебное воздействие. Исчезла сонливость, в тело вернулись силы, обострилась реакция, дышалось легко, свободно, и даже курить не хотелось. Васильич с Федорычем тоже заметно посвежели, хотя и раньше не казались усталыми. Одно слово, старая гвардия!!! Присланные Нелюбиным «надежные ребята» – двое молодых плечистых детин с бычьими шеями – скромно пристроились на задних сиденьях и заворуженно глазели на вашего покорного слугу. Очевидно, наслушались различных баек обо мне, распространяемых конторскими болтунами.

Заговаривать со столь знаменитой личностью они не решались, а на мой вопрос – как их звать-величать – по-детски представились: «Федя... Алеша...»

– Подъезжаем, – бросил через плечо Ерохин. – Осталось минут пять-шесть.

– Ты план изучил? – обратился ко мне Логачев.

Я молча кивнул.

– И каковы будут приказания? – Перед отъездом Нелюбин ни с того ни с сего назначил меня старшим группы захвата.

– Не ерничай, Васильич, – поморщился я. – Без тебя на душе тошно!

– Почему?

– Да сам толком не пойму. Тошно, и все!

– Не обижайся, Дмитрий, – виновато улыбнулся седой богатырь. – Я же так, шутейно...

– Вернемся к плану, – усилием воли я отогнал дурные предчувствия. – Федор, Алексей, пересядьте поближе. Тебе, Васильич, и так хорошо видно, а Виталию придется воспринимать на слух... Фигурант проживает в элитной многоэтажке, в двухъярусной квартире на пятом этаже. Вот она. – Я сделал пометку на чертеже. – Код подъездной двери нам известен. Внизу сидит дежурный милиционер из вневедомственной охраны. Наверняка дрыхнет. Осторожно прокрадываемся мимо него. Федор с Алексеем поднимаются лифтом на последний этаж и пешком спускаются вниз, уничтожая все подозрительное о двух ногах. Учтите, враг опытен, хитер, изобретателен и способен замаскироваться под кого угодно: под бомжа, под алкоголика, под беременную цыганку... Поэтому стреляйте на упреждение. Не беспокойтесь – невиновных вы не замочите! Дом тут особый, элитный, и никого из вышеперечисленных на лестнице оказаться не может!.. Я, Виталий и Петр тихо поднимаемся наверх. (Тоже, разумеется, пешочком.) Встречаемся у квартиры фигуранта, отключаем сигнализацию, вскрываем отмычкой дверь, заходим, берем, засовываем в мешок и быстро спус-

каемся к машине. Мента, для верности, придется аккуратно вырубить. (Он, думаю, либо сам проснется, либо шум какой услышит, да мало ли...) Но повторяю – **аккуратно!** Чтобы «поспал» пару часов, но без увечий. Это на совести Петра. Работаем в «собровках» и резиновых перчатках. Тем не менее перед уходом надо изъять кассеты из всех камер наблюдения, а сами камеры разбить. У меня вроде все. Вопросы есть?

– Семья? – лаконично осведомился Ерохин.

– Жорес Панферов – пассивный педераст, живет один. Домработница приходит в восемь утра. Если кого лишнего и застанем в квартире, то только любовника (или любовников). Его (их) валим не раздумывая. Подобную нечисть убить не грех... Ага, вон он, домишко-то. Притормози, Федорыч...

Элитная одноподъездная многоэтажка, где обитал лжеакадемик, стояла наособицу от прочих домов, возвышаясь над ними безвкусной, аляповатой громадиной, чем-то напоминающей Вавилонскую башню.

«Зоопарковая, 66/6» – гласила укрепленная на стене табличка.

«Улица названа в честь зверинца, а номер дома – число Зверя. Такие совпадения случайными не бывают», – натягивая «собровку», подумал я.

Поставив микроавтобус за углом, мы скользнули к подъезду, набрали на замке код и на цыпочках проникли внутрь. Дежурный крепко спал за столом, уронив голову на сложенные перед собой руки. Окошко в застекленной будке было распахнуто. За спиной дежурного негромко бубнил включенный телевизор. Не дожидаясь команды, все пятеро сели на корточки, намереваясь двинуться дальше, как вдруг я подал сигнал «Стоп». Поза спящего мне чем-то не понравилась, хотя казалась вполне естественной. Паранойя?! Или... предчувствие, не раз спасавшее мою жизнь?! Да ладно мою, не велика ценность!!! Но сейчас я старший группы, а следовательно, отвечаю за каждого из доверенных мне людей. Начальство – шут с ним. Перед Богом отвечаю!!! Итак, что же меня насторожило?! Не найдя ответа на сей интересный вопрос, я сделал остальным знак оставаться на местах, в полуприсяде подкрался к окошку и до предела напряг слух. Ни дыхания, ни сопения... Тогда я поднялся во весь рост, просунул руку в окошко и несильно толкнул милиционера в плечо. Он мягко, словно тряпичная кукла, повалился на пол. В горле у него, чуть ниже кадыка, торчал обломок вязальной спицы. В широко распахнутых голубых глазах застыло безмерное удивление.

– Нас опередили? – одними губами спросил Логачев.

Я угрюмо кивнул.

– Наши действия? – осведомился Ерохин.

– Прежний план – псу под хвост, – шепнул я. – Федорыч, проверь камеры наблюдения и оставайся здесь. Остальные со мной. Работать будем спонтанно, по обстоятельствам. Но общая схема такова – мы с Васильичем заходим в квартиру, Федор с Алексеем остаются на лестнице. Если противнику удастся прорваться мимо нас – даже не пытайтесь взять живьем! Там профи экстра-класса. Хорошо, если один! Короче – огонь на поражение. Ну-у, с Богом!!!

Отправив пустой лифт на последний этаж, я первым начал подниматься вверх по лестнице.

Дверь Жореса Панферова (единственная на лестничной площадке) оказалась не заперта. Я вспомнил еще теплое плечо дежурного. Враг опережал нас совсем ненамного (отключить сигнализацию, вскрыть отличный замок)... на пару минут, не больше! И еще оставалась надежда застать живым старого пидораса. Я махнул рукой, и мы с Логачевым бесшумно (хорошо смазанные петли даже не скрипнули) просочились в квартиру. На первом этаже было пусто и тихо, а со второго, где располагалась спальня, доносилась негромкая возня. Отбросив осторожность, мы вихрем взлетели по деревянной лестнице и очутились в просторных апартаментах, один вид которых вызывал глубокое отвращение.

Мозаичный потолок с изображениями совокупающихся особей мужского пола. Развешанные по стенам модернистские картины с ярко выраженным гомосексуальным уклоном. Садомазохистские станки, разбросанное повсюду женское белье и торчащий из пола огромный хрустальный фаллос, выполнявший роль светильника. Посреди всего этого безобразия угнездилась широченная кровать со смятыми простынями. В воздухе висел смешанный запах дорогой парфюмерии, едкого пота и свежего дерьма. Поперек постели лежали ничком два голых мужика со свернутыми шеями.

– Вылезай, вылезай, дарагой! – гортанно пришептывала... опрятная пожилая женщина, вытаскивая из-под кровати кого-то, жалобно пищущего. – Нэ хочу на тэбя пулю тратить!

Это я описываю так долго, а на самом деле с момента нашего появления в спальне прошло не более секунды. (Детали интерьера я разглядел значительно позже.)

Далее события закрутились как в водовороте. Отпустив пищущего, «женщина» молниеносно развернулась в нашу сторону (по ходу выхватив пистолет с глушителем) и открыла частый огонь. На миг опередив смерть, мы с Логачевым кульбитами «ушли» в разные стороны, еще на лету ответив выстрелами из «ПСС». Однако «почетная дама» оказалась не лыком шита, хотя и успела словить как минимум две пули. Бросив свою добычу, «она», оставляя на полу кровавый след, метнулась к выходу из спальни.

Пф-ф... Пф-ф... – дважды выстрелил я в основание хрустального фаллоса, мимо которого пролегал «ее» путь. Массивный светильник обрушился прямо на «нее», но «пожилую женщину» это не остановило.

«Она» кубарем скатилась вниз по лестнице. Издалека донеслись еле слышные хлопки.

«Хана несчастным мальчишкам!» – с горечью подумал я, вместе с Логачевым устремляясь на звук. Но нет! Мой инструктаж не пропал даром. Когда мы выскочили на лестничную площадку, то едва не споткнулись об оплывающее кровью тело «беглянки». Рядом с ней валялся импортный пистолет с глушителем. При падении парик со старомодной седоватой прической сбился на сторону, и теперь не оставалось сомнений – перед нами мужчина кавказской национальности, очень профессионально загримированный под женщину.

– Мы выполнили Ваш приказ, Дмитрий Олегович. Четыре пули в брюхо всадили. На упреждение! – сообщил Алеша, с некоторым запозданием отпихнув вражеский ствол ногой подальше.

Федя важно кивнул в знак подтверждения.

Логачев смерил «надежных ребят» уничтожающим взглядом, открыл рот, собираясь обругать, но я вовремя толкнул его в бок, сдержанно похвалил обоих «за расторопность» и сказал:

– Отправляйтесь вниз в распоряжение полковника Ерохина. Пускай вызовет оперативную группу ФСБ (из моего отдела), «Скорую помощь» и пару труповозок.

– Есть! – хором гаркнули Леша с Федей и, перепрыгивая через ступени, помчались на первый этаж.

– Дебилы! – рассерженным змеем прошипел Петр Васильевич. – Нет бы по конечностям стрелять: обезручить, обезножить... Такого «языка» угробили!!!

– В противном случае «язык» угробил бы их! – резко возразил я. – «Обезручить, обезножить...» Он бы не дал им такой возможности. Не забывай, с **КЕМ** мы имеем дело!

– А ведь действительно, – разом остыл полковник. – И все-таки безумно жаль... Ой, блин! Ты посмотри!!!

Переодетый слегка шевельнулся и слабо застонал.

– Может, есть еще надежда?! – оживился Логачев, мощными движениями срывая с него всю одежду и доставая из кармана ИПП. – Дай-ка сюда свои!!!

Радость Васильича оказалась преждевременной. «Надежные ребята» четко выполнили приказ. И если наши пули лишь прошли боевику мягкие ткани руки и ноги, то все четыре раны в туловище были смертельны.

И тем не менее он дышал: редко, тяжело, с присвистом. На губах пузырилась красноватая пена – верный признак надвигающейся смерти.

– Сумеешь привести его напоследок в чувство? – сворачивая из бинтов тампоны и затыкая ими обильно кровоточащие дыры, спросил я.

– Попробую. – Достав острое шило, Логачев начал аккуратно колоть в специальные точки на теле. Вскоре труды полковника увенчались успехом. Раненый содрогнулся и открыл глаза.

– Проживет несколько минут. Поторопись! – шепнул мне на ухо седой богатырь.

– Ты нохчо? – повинувшись неясному предчувствию, по-чеченски спросил я.

– Да-а, – на том же языке прохрипел умирающий.

– Ты отважный воин Джихада, а мы – «неверные псы», – вытащив из крепления боевой нож, гадко ухмыльнулся я. – Поэтому мы не позволим тебе умереть мужчиной. Вот сейчас я тебе отрежу твой член с яйцами и вставлю тебе в рот. Как думаешь, в таком виде пустят в рай?!

– Шакал! – перешел на русский мой визави. – Вонючий билат!!!

– Дело хозяйское, – пожав плечами, я сделал легкий надрез в основании мошонки.

– Нэт! – В тусклых глазах вспыхнуло дикое отчаяние. – Лучше скажи, что хочишь?!!

– Давно бы так. – Я отодвинул лезвие и вперился в горца тяжелым немигающим взглядом: – Сколько человек в группе?!

– Было шесть... вместе со мной. Змея вы убили... меня тоже. – Голос чеченца стал прерываться, затухать.

– Как тебя звали?

– Коб...ра.

– Кто остался?

– Старший, Малыш... Слон...Профе-ес-сор...

– Из каких они спецслужб?

– Стар...ший из ФСБ, Малыш – спецназ Внутр... ар – кхе-кхе, – побелев как простыня, он закашлялся, брызгая кровью.

– Про иностранца спроси! Про куратора! – вновь принимаясь орудовать шилом, рявкнул мне в ухо Логачев.

«Так Панферов расскажет. В чем проблема-то?» – мысленно удивился я, однако спорить не стал и, когда кашель стих, вновь обратился к умирающему:

– Кто непосредственный куратор группы?

– Америк... нец... корреспон... Си-эн-эн. – Смерть уже приблизилась вплотную, и я почти физически ощущал ее ледяное дыхание. Тело боевика характерно задергалось.

– Имя! Имя назови!!! – закричал я.

– Джо... зеф... Родж... – на последнем издыхании выдавил он и обмяк. Я приложил палец к его сонной артерии. Пульс отсутствовал.

– «Двухсотый»! – выпрямившись, констатировал я и, немного помедлив, проворчал: – Зачем ты меня «куратором» чуть не оглушил? Я б мог узнать что-нибудь еще. Например, местонахождение их основной базы или адреса конспиративных квартир.

– Он бы не успел, – лаконично возразил Петр Васильевич.

– Ну-у... тогда настоящее имя Старшего.

– Он мог сам не знать.

– Пусть так, – нехотя согласился я. – Но чертова иностранца по-любому сдаст с потрохами Жорес!

– Ты уверен? – прищурился Логачев.

– Разумеется! Старый пидор жив-здоров, ни одна из пуль под кровать не залетала, а кончать с собой липовый академик не станет. Такие чмыри панически боятся смерти. Значит, выложит все без утайки, на блюдечке с голубой каемочкой!

– Кто знает, кто знает... – задумчиво произнес полковник.

– ??!!

– Видишь ли, Дмитрий, предчувствия бывают не только у тебя.

– А что там стряслось? – встревожился я.

– Я не ясновидящий, – пожал плечами седой богатырь. – Давай сходим, посмотрим и точно узнаем.

Забрав осиротевший ствол, а также найденную у покойного связку ключей и отмычек, мы оставили труп Кобры на лестничной площадке, вернулись в квартиру, поднялись в спальню и... остолбенели! Одетый в женское кружевное белье, Жорес Панферов стоял на кровати, словно на трибуне, гордо задрав припудренную физиономию с накрашенными губами. Голые ноги «академика и лауреата» были перемазаны жидким калом.

– Ага! Представители РПЦ пожаловали, – завидев нас, обрадовался он. – Приступим к дискуссии! Но предупреждаю заранее – у вас, господа клерикалы, нет ни единого шанса! Мой главный довод – человек произошел от обезьяны, как научно обосновал великий Чарльз Дарвин, и от этого вам никак не отвертеться! Более того. **Я**, – тут он стукнул кулаком по чухлой груди, – **я**, академик Жорес Панферов, лауреат Нобелевской премии, развил теорию гениального англичанина... Да, да, развил и доказал – человек произошел **непосредственно** от обезьяны, без всяких там «переходных звеньев»!.. Как всегда при эпохальных открытиях, прозрение пришло неожиданно. Однажды я прогуливался по Н-скому зоопарку, остановился у клетки с макаками, и тут вдруг старая самка по имени Жу-жу швырнула мне в лицо куском собственных экскрементов. В голове у меня что-то вспыхнуло (помните Ньютона и яблоко?!), а она приблизилась к прутьям и сказала: «Здравствуй, сынок! Узнаешь маму?!» **И Я УЗНАЛ!!!** Вспомнил, как родился в этой самой клетке, как с младенчества изучал марксизм-ленинизм, как в перерывах между занятиями резвился с юными друзьями и братьями макаками, а потом, по комсомольской путевке, подписанной сторожем Геннадьичем, поступил в институт, а там... – Тут Жорес громко испортил воздух, мерзко хихикнул, продемонстрировал нам тощий, грязный зад и, встав в прежнюю позу, пустился в пространные воспоминания о веселых гомосексуальных игрищах с сокурсниками-павианами.

– Спятил со страха, – поморщился Логачев. – У него и раньше-то башка была гнилая, дьяволом попорченная (недаром на Православие так злобно гавкал), а как тряхнуло основательно, так и съехал с катушек. Напрочь, блин!

– Косит небось, – усомнился я. – Норовит увильнуть от ответственности. Ну-ка проверим. – Достав запасной пистолет, я с двух рук выстрелил в Жореса (пули прошли в сантиметре от каждого уха) и жестоко скомандовал: – Хватит придуриваться, вражина! В следующий раз не промахнись!

– Мушки африканские летают, ядовитые! – нисколько не смутившись, захихикал борец с клерикализмом. – Но меня ими не испугаешь! У нас, макак, иммунитет к их укусам. Надо только отбросить наносную шелуху и вернуться в первозданное состояние. – Он сильно сгорбился, злобно, пронзительно заверещал, гигантскими скачками сиганул в угол, высоко подпрыгнул, уцепился пятерней за какую-то перекладину под потолком и начал раскачиваться на ней, гримасничая, кривляясь, нечленораздельно вопя и почесываясь свободной рукой.

– Впрямь вылитая обезьяна, – покачал головой я. – Это его Бог покарал. Помнишь, как Он сказал: «По вере вашей да будет вам».

– Помню. Евангелие от Матфея, глава девятая, стих двадцать девятый, – эхом отозвался Петр Васильевич...

Глава VII

«Для Запада Россия по многим показателям загадка. Насаждаемый у нас негатив не идет запланированными темпами... Они хотят понять наш защитный механизм, чтобы уяснить, как разрушить его. Но похоже, мы его сами не очень понимаем, и потому секрета не можем выдать даже за деньги».
«Проект „Россия“». М., 2007, ч. 1, с 217.

Дождаясь прибытия нашей опергруппы, я вызвал психовозку для «обезьяны-академика», осмотрел свернутые шеи любовников Панферова, а после спустился к Ерохину, успевшему изъять и просмотреть кассеты с камер видеонаблюдения. На всех них была запечатлена входящая в подъезд «пожилая особа». Одна, с типично дамской походкой, и абсолютно неотличимая от настоящей женщины.

– Классно перевоплотился, собака! Такого, пожалуй, и на компьютере не «разденешь». По крайней мере нужно **ОЧЕНЬ** постараться, – компетентно заметил Виталий Федорович.

– А сломать шею – большой силы не требуется. По крайней мере тем приемом, который применил Кобра, – добавил я. – Значит, он не собирался уничтожать записи, а хотел подставить какую-то конкретную мадам, вхожую в дом. Недаром в мертвых глазах дежурного застыло безграничное удивление. Не ожидал парень ничего подобного от хорошо знакомой ему...

– Домработницы Жореса! – неожиданно выпалил Ерохин. – Как я раньше не сообразил! Ну-ка проверим здешний компьютер...

Турникет в подъезде открывался после приложения к детектору пластикового пропуска с изображением владельца. А на мониторе у дежурного одновременно возникало то самое изображение и краткие сведения о проходящем.

– Точно! Так оно и есть, – спустя минуту сказал он. – Взгляни, Дмитрий!

На экране застыло женское лицо, совершенно неотличимое от загримированного Кобры.

«Ромашкина Ирина Александровна, 1945 года рождения. Планерная, д. 15, кв. 45. Тел. 286-13-72. Семейное положение: вдова, детей нет», – гласила надпись под портретом.

«А ведь живой бабушка им не нужна. Более того, крайне опасна! – встревоженно подумал я. – Вдруг у нее железное алиби на момент убийства?! Допустим, собачку выгуливала у себя под окнами или еще чего... Если же она бесследно исчезнет, то все подозрения падут на нее. И с компьютерным «раздеванием» особо возиться не станут. – Я посмотрел на часы. – 7.10, а приходит домработница ровно в восемь. Улица Планерная – параллельна Зоопарковой. Добираться оттуда сюда – полчаса. Это если пешком, дворами. А на общественном транспорте раза в два дольше получится. Бабуля у нас крепкая и, голову даю на отсечение, предпочтет прогуляться по утренней прохладе...»

– Ты звонил домработнице?! – резко обернулся я к Федоровичу и, не дожидаясь ответа на глупый вопрос (А когда бы он успел?), набрал номер на телефоне дежурного. В трубке зазвучали длинные, умиротворяющие гудки.

– Может, телефон тихо звонит? – неуверенно предложил Ерохин. – Или в ванной она, не слышит...

– Может!.. Все может!.. Будешь пока за старшего! – нервно бросил я, выскочил на улицу, бегом обогнул угол и плюхнулся за руль «Шевроле». Словно чуя серьезность ситуации, микроавтобус завелся с полоборота и в считанные мгновения развил бешеную скорость...

Моя поспешность объяснялась следующими соображениями.

Ирину Александровну должны были по-тихому ликвидировать, а ее тело надежно спрятать или уничтожить. Весь вопрос **КОГДА?!** Самое простое и логичное – до нападения на Жореса. То есть Кобра проникает ночью к ней в квартиру, убивает Ромашкину, расчленяет труп на куски, укладывает в непромокаемые сумки и прячет оные в багажник своей машины, которую оставляет там же, на Планерной. Почему именно расчленяет?! Потому что женщина она крупная, так просто из подъезда не вытащишь. (Кто-нибудь да заметит.) А расчленить можно в ванной, кровь тщательно смыть. Тут «дети гор» ба-альшущие специалисты!.. Покончив с Панферовым, он, в облиии домработницы, возвращается к машине, демонстративно садится в нее и сматывается в неизвестном направлении. А несчастную женщину объявляют во Всероссийский розыск... Мрачная картина, хуже не придумаешь!!!

Некоторую надежду на лучший исход вселяло одно лишь обстоятельство – для осуществления вышеописанного злодеяния требовалось **ВРЕМЯ!** А его-то у наших «друзей» как раз и не было. Информацию о похищении Войкова они получили во второй половине ночи, ближе к утру (Не иначе кто-то из милицейского начальства на них работает), и начали действовать с ходу, стараясь опередить нас. Значит, домработницу должен убрать не Кобра (он и к Жоресу-то малость опоздал), а другой член команды. И здесь «расчлененка» уже не прокатит. В данной ситуации наиболее разумно подстеречь Ромашкину на выходе из дома, быстро затолкнуть в автомобиль, отвезти в укромное местечко, ну а дальше... дальше понятно...

Пи-пи-пи – ожил мой прибор связи.

– Домработница взяла трубку. Поймал буквально на пороге. Как раз собиралась выходить, – довольным тоном сообщил Ерохин. – Я представился по всей форме, запретил ей покидать квартиру, а дверь разрешил открывать только на пароль:

«Вопрос: Какого синюшника там принесло?!

Отзыв: Мангуста, в трезвом виде».

Извини, дружище, ничего получше в голову не пришло. А ты где?!

– Подъезжаю. Свяжусь позже. – Нажав кнопку «отбой», я притормозил и на сравнительно небольшой скорости подъехал к дому № 15 – красной, кирпичной пятиэтажке, построенной примерно в середине прошлого века. Подъезд, где проживала Ирина Александровна, выходил в тупик, образованный деревянным забором «законсервированной» стройплощадки. И вплотную к нему (к подъезду) притулился неказистый красноватый «Москвич», окрасом почти сливающийся с домом. Стоял он задом к забору. Обе дверцы со стороны водителя были приоткрыты. За рулем курил сигарету здоровенный рыжеватый тип со шрамом на щеке. И нетерпеливо поглядывал то на часы, то на дверь.

«Один из них! – догадался я. – Поджидает домработницу и... нервничает. Профессор – мозг группы. Старшему не по чину подобная мелочовка, а боевые пловцы всегда спокойны как удавы. По крайней мере внешне. Стало быть... Ага! Вот ты кто!»

– Эй, Малыш! Попусту время тратишь! – крикнул я, на ходу выпрыгивая из «Шевроле».

Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... – моментально ответил он из пистолета с глушителем.

Мое левое предплечье ужалила огненная оса.

«Молодец! В полете достал! – мысленно отметил я, укрываясь за ближайшим толстым деревом. – Но... отвлекся от главного. Что от тебя и требовалось!!!»

Бум-дзинь-тр-р-рах! – бронированный «нос» микроавтобуса с ходу врезался в «Москвич», однако, вопреки ожиданиям, не смял его в гармошку. (Как выяснилось впоследствии, вражеские спецы усовершенствовали свои машины точно так же, как и мы.)

Вместе с тем кое-чего я все же добился. Не пристегнутого боевика с силой треснуло лицом о лобовое, пуленепробиваемое стекло. От страшного удара он потерял сознание и, выронив на асфальт оружие, неуклюже застыл на переднем сиденье.

«Попался, который кусался! – злорадно усмехнулся я, поднимаясь на ноги. – Теперь «поспишь» полчаса, потом подлечим, накачаем «сывороткой», и запоешь соловьем. А башка у тебя крепкая, ни фи́га с ней не делается. Сколько ты нам кирпичей лбом переколлол?!»

К сожалению, бывший вэвэшник оказался куда более крепкоголов, чем я предполагал. Когда я вытащил из «Москвича» обмякшее, грузное тело и оттащил немного в сторону, оно вдруг ожило, резиново изогнулось, садануло меня обеими ногами в грудь и, выпрыгнув со спины в стойку, устремилось к стройплощадке.

Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... Пф-ф... – захлопали вдогонку мои торопливые, но запоздалые выстрелы. Малыш уже успел перемахнуть через забор и скрыться в дебрях стройки. Лишь первая из пуль по касательной задела ему ягодицу. О преследовании не могло быть и речи. Врезал он мне конкретно, от души, и только через две минуты я сумел с грехом пополам восстановить дыхание. (А до тех пор хрипел и задыхался, лежа на асфальте и с бессильной яростью глядя на забор.)

«Ладно, зато бабуля жива осталась», – утешил я сам себя, кое-как поднялся, отряхнулся и побрел на второй этаж.

– Какого там синюшника принесло? – после первого звонка донеслось из-за обитой дерматином двери.

– Мангуста, в трезвом виде, – мысленно обругав затейника Ерохина, сипло ответил я.

Дверь осторожно приоткрылась. Я молча продемонстрировал раскрытое служебное удостоверение.

– Ой, ну и видок у Вас! Да Вы ранены! Заходите, заходите, сейчас перевяжем! – взволнованно закудахтала госпожа Ромашкина.

– Минутку... обождите. – Борясь с головокружением, я прислонился к дверному косяку.

– Боже! Да на Вас лица нет! – не на шутку всполошилась Ирина Александровна и, подхватив меня не по-женски сильными руками, поволокла в комнату.

Минуту спустя я уже сидел на стуле, раздетый до пояса, а домработница Панферова умело обрабатывала сквозную рану на моем левом предплечье.

– Вы... занимались спортом? – вспомнив, с какой легкостью она тащила мои сто с лишним килограммов, слабым голосом спросил я.

– Немножко, в молодости, – закончив с перевязкой, улыбнулась «бабуля».

– И каким, если не секрет?

– Дзюдо. Да вон, посмотрите. – Она небрежно указала на одну из стен.

Фотографии состязаний, грамоты, кубки, золотые и серебряные медали...

– Мастер спорта?! Двукратная чемпионка РСФСР?! – поразился я.

– Ага. Было дело, да прошло. В тираж вышла, – вздохнула Ромашкина. – С тренеров, правда, не гонят, но зарплата там маленькая, а пенсия – вовсе курам на смех! Приходится по утрам мыть полы у поганого извращенца-безбожника. Уйду я от него, хотя платят хорошо. Лучше в школу уборщицей устроюсь...

«Мастер спорта по дзюдо, – не слушая дальше, подумал я. – Двукратная чемпионка РСФСР, до сих пор тренирует молодняк... Да-а-а! Подстава просто гениальная! По поводу сломанных шей Жоресовых дружков-пидоров никто бы и не усомнился! К тому же женщина она верующая (крест на груди, православные иконы в красном углу, зажженная там лампада) и... весьма разговорчивая. Подруги-соседки обязательно поведали бы операм об острой неприязни Ромашкиной к «извращенцу-безбожнику». А либеральные СМИ уже тут как тут. Представляю заголовки газет – «Нобелевский лауреат задушен религиозной фанатичкой»... «Православная убийца»... «Инквизиция на бытовом уровне», и т. д. и т. п... Наши

«друзья», несомненно, учитывали возможность ликвидации ими самими Жореса-посредника.

(У «заказушников» всегда так.) Заранее подобрали потенциальную обвиняемую (заочно, конечно) и постарались выжать максимум пользы из грядущей смерти старого пидораса... Значит, Ирину Александровну к лжеакадемику устроили специально те, кто связан с вражескими спецками или, скорее, с их куратором – корреспондентом Си-эн-эн. Хотя... стоп! Профи не стали бы действовать столь топорно. Скорее всего «устроителя» использовали вслепую. Вместе с тем узнать его имя не помешает. Мало ли...»

– А кто, простите, рекомендовал Вас Панферову? – вслух спросил я.

– Директор спорткомплекса, где я тренирую девочек. Соколов Андрей Давыдович. Упокой Господь его душу!

– Так он умер?

– Да. Три недели назад. Сердце отказало.

– Жаль, очень жаль... Гм! Кстати, увольняться от Жореса Вам не придется. Ему домработница отныне без надобности.

– То есть как?! Почему?!

– Спятил наш борец с клерикализмом, вообразил себя обезьяной – прямым потомком макаки Жу-жу из Н-ского зоопарка, – усмехнулся я.

– Да ну! – Женщина аж присела от удивления. – А что послужило толчком?

– Его пытались убрать собственные дружки-подельники из «либерально-демократической» оппозиции. В последний момент мы сумели им помешать. Тем не менее Панферов сошел с ума от страха. Наглухо! Без надежды на ремиссию! А убийцей они хотели выставить Вас.

– Меня-я-я-я?!!

– Именно так. – Я вкратце разъяснил общую схему известной читателю подставы и добавил: – Но, поскольку план их провалился, непосредственная опасность Вам больше не угрожает. Какой смысл Вас теперь убирать, хотя... чем черт не шутит! У слуг дьявола особая, извращенная логика... Поэтому, пока все не утрясется, мы спрячем Вас на некоторое время. А займется этим... – Тут меня осенила мстительная идея: – Полковник Ерохин Виталий Федорович! Он человек добросовестный, дотошный, въедливый. Если берется за дело, то обязательно доводит его до победного конца. Извините, отлучусь на минутку. Надо переговорить с начальством...

Пройдя на чистенькую, уютную кухоньку, я связался с Нелюбиным.

– Правильно! – с ходу одобрил Борис Иванович. – Береженого Бог бережет! Только почему Ерохин? Он же плотно задействован в нашей операции!

– В ближайшие двенадцать часов ничего особенного не предвидится. Надо же им когда-то передохнуть! А Виталий Федорович к тому времени управится, – успокоил я генерала.

– Ну-у-у... тогда ладно, – нехотя согласился Нелюбин и дал отбой.

Положив прибор в карман брюк, я вернулся обратно в комнату. Ирина Александровна деловито паковала чемоданы. Рядом сидел вылезший откуда-то толстый кот. Видимо, тоже готовился в дорогу.

– Начальство дало добро, – сообщил я. – Запоминайте пароль:

«**Вопрос:** Кого нелегкая принесла?!»

Отзыв: Виталика, от пьянства исцеленного.

Контрольный вопрос: Врешь, алкаш, прогорклый!

Отзыв: Никак нет! Я торпеду вшил. Могу справку предъявить».

– Ох и шутники же вы! – звонко рассмеялась Ромашкина. – С вами не соскучишься!

– Шутки здесь ни при чем, – с серьезным видом сказал я. – Просто чем нелепее пароль, тем он надежнее. А сейчас мне пора ехать. Приятно было познакомиться!..

Глава VIII

Вернувшись обратно на Зоопарковую 66/6, я увидел неподалеку от подъезда оперативную «Волгу» из моего отдела, две труповозки, «Скорую» и машину «Спецпсихушки». Поставил «Шевроле» рядом с ними, я зашел в дом и, забрав у Ерохина пакет с изъятыми записями камер видеонаблюдения, «осчастливил» его известным читателю поручением.

- Вопрос согласован непосредственно с Нелюбиным, – в завершение добавил я.
- Долго пароль придумывал? – Виталий Федорович смерил меня сердитым взглядом.
- С ходу! Извини, дружище, ничего получше в голову не пришло, – мило улыбнулся я.
- Гм! Ну ладно. А на чем ехать?
- Бери нашу «оперативку». На ней много народу прибыло?
- Трое, во главе с майором Филимоновым.
- Возьми у него ключи. – Я с трудом подавил зевок. Действие лимонника давно закончилось. – Группа Филимонова прекрасно разместится с нами в микроавтобусе. Кстати, а где он есть?

- Наверху. – Ерохин вдруг усмехнулся.
- Ты чего? – удивился я.
- Пошли, сам увидишь...

На широкой лестнице между первым и вторым этажами мы столкнулись с вереницей из трех носилок, на которых лежали пластиковые мешки с трупами. Впереди нее (вереницы) важно шествовал худой врач – очкарик со «Скорой» из нашей, конторской клиники.

– Всех троих в Брюсовский морг, – тихо сказал я. – И убийцу и, кхе-кхм, жертв. После разберемся.

– Знаю, – в том же тоне ответил он. – Майор Филимонов уже отдал соответствующее распоряжение... О-о-о! Да Вы ранены! Значит, нам придется задержаться.

– Пожалуй, – согласился я. – Как управлюсь с делами – посмотрите мою руку. Там, в принципе, обычная царапина. Но небольшая профилактика не повредит... А в больницу не поеду!!! Даже не заикайтесь на сей счет!

– Но...

– Никаких «но», – змеем прошипел я. – Будьте любезны в точности следовать приказу руководителя операции, коим я являюсь!

Очкарик уныло промолчал.

Пропустив процессию, мы с Ерохиным продолжили восхождение, и тут сверху донеслись визгливые, нечеловеческие вопли, топот, грохот опрокидываемой мебели, звон разбиваемой посуды и яростная ругань в три голоса.

– Это то самое, – фыркнул Ерохин.

– ??!!

– Да «обезьяну-академика» психиатр с санитарями ловят. Минут уж десять, наверное. Советую полюбоваться!

Опергруппа во главе с майором Филимоновым дожидалась результатов «охоты» на лестничной площадке. Недавнее место расположения тела Кобры никто мелом не обвел. Очевидно, посчитали излишним. Зато в квартире им предстояло потрудиться. Хотя бы для отвода глаз. (Ребята действовали под видом сотрудников «убойного отдела».)

– Совсем взбесился чертов псих, – посетовал Василий. – Вот ждем, пока спеленают. Вмешиваться не стали. А то покалечим ненароком.

– Читал его гнусные статейки?! – догадался я.

– Одну, в туалете, мельком, но мне, знаешь ли, хватило!

– Ты иди, Дмитрий, понаблюдай! Оно того стоит! – спускаясь вниз по лестнице, напомнил Виталий Федорович.

– Зрелище впрямь впечатляющее, – поддакнул сидящий на подоконнике Логачев. – Нечто вроде маленького сафари.

– Вы меня заинтриговали! – Я отдал пакет с кассетами Филимонову и зашел в квартиру.

В жилище «академика и лауреата» все было перевернуто вверх дном – мебель повалена, вещи разбросаны, на полу – великое множество битой посуды. Очевидно, Жорес кидался ею в «охотников». То там, то здесь виднелись зловонные лужицы жидкого кала.

– Держи!!! Лови!!! Хватай!!! Справа, справа заходи!!! От блин, опять ускользнул!!! – громогласно неслось со второго этажа.

В ответ раздавались взвизги, шум скачков и пронзительное, злобное хихиканье. Я хотел подняться в спальню, но неожиданно охота сама собой спустилась в нижние комнаты. По перилам съехало на задку взъерошенное, гримасничающее существо, проворно нагнулось, выпустило на лестницу длинную, желтую струю поноса (прямо под ноги бегущим за ним «ловцам»), вновь омерзительно захихикало и, совершив гигантский прыжок, повисло на люстре, уцепившись за нее передней конечностью.

– Едрена вошь! – Первый из преследователей поскользнулся на Жоресовом дерьме и лишь чудом удержал равновесие.

– Ну и ну, – покачал головой я. – Вылитая макака! Уже практически не отличишь!

– А Вы кто? – поинтересовался старший из «охотников». Судя по некоторым признакам – врач.

– Руководитель операции, полковник Корсаков, – вежливо представился я. – Это я вас вызвал, но дождаться не смог. Пришлось срочно отлучиться по служебным делам.

– Веселая у Вас служба, – осмотрев мой перепачканный в пыли, изорванный костюм и свежезабинтованное предплечье, заметил психиатр.

– Да и Вам не позавидуешь. – Я указал глазами на заляпанный калом белый халат.

– Их-хи-хи-хи-хи-хи-и-и-и!!! – раскачиваясь на люстре, подал голос борец с клерикализмом.

– Сволочь! Поганое животное! – прохрипел один из санитаров.

– Оно упорно доказывало, что человек произошел от обезьяны и в итоге впрямь превратилось в обезьяну. Недаром сказано в Евангелие: «Да будет вам по вере вашей», – пояснил я и сочувственно добавил: – Представляю, как оно вас достало.

– И не говорите! – тяжело вздохнул доктор. – Давно такие буйные не попадались. А главное, и тут Вы правы, действительно превратилось! И-эх. – Тут он с тоской глянул на люстру. – Дом элитный, потолки нестандартно высокие. Жаль, сеть не захватили, но кто ж знал... Нам бы только добраться до зверюги, а уж там... – Он выразительно покосился на резиновые дубинки санитаров.

– Добраться, говорите, – задумчиво повторил я и вдруг усмехнулся. – Так это запросто! Пододвиньте под люстру диван.

– ??!!

– Или так ловите. – Я коснулся рукояти «ПСС».

– Ага!!! – догадался психиатр, злорадно оскалился и шепнул пару слов дюжим санитарам.

– Готовы? – Я вынул из-за пояса пистолет.

– Да... да, – басовито отозвались амбалы.

Пф-ф... – одиночным выстрелом я перебил основание люстры. Макака-Жорес вместе с ней приземлился в могучие объятия санитаров, мгновенно получил дубинкой по темени, обмяк, закатил глазенки под лоб и спустя считанные секунды был облачен в смирительную рубашку.

– Огромное Вам спасибо! – Доктор сердечно потряс мою здоровую руку, сделал ново-
выявленной обезьяне укол снотворного в шею и скоординировал санитарам: – Тащите **ЭТО** в
машину!

Последователя дарвинизма бесцеремонно швырнули на носилки и быстро унесли.

– Заходите, ребята. Принимайтесь за работу, – пригласил я в квартиру группу Филимо-
нова. – Если ничего интересного не найдете, то хоть формальности соблюдайте...

А сам, спустившись по лестнице, подошел к «Скорой», возле которой терпеливо дожи-
дался давешний очкарик. При виде меня он поспешно отвел глаза и слегка покраснел.

«Все-таки настучал, зараза, – понял я. – Естественно, не напрямую Нелюбину. Нет
у него доступа к генералу. «Капнул» он непосредственному начальнику, а уж тот... Ну да
ладно. Даст Бог, выкручусь!»

– Осмотрите, пожалуйста, – я протянул ему простреленное предплечье. – Там, конечно,
пустяк, царапина, но перестраховка не повредит...

Рана действительно оказалась незначительной. Пуля Малыша не задела ни костей, ни
сухожилий и, в придачу, прошла навывлет. Я даже мог (преодолевая боль) действовать левой
рукой, что и не преминул доказать дисциплинированному эскулапу.

– А теперь смотрите, – после перевязки и пары уколов обратился я к нему, достал
пистолет (врач непроизвольно шарахнулся в сторону), переложил оружие в левую ладонь,
поискал глазами по окрестностям и, обнаружив на одном из деревьев ворону, выстрелил
навскидку. На том месте, где сидела поганая тварь, веером разлетелись перья, а ошметки
тушки свалились на землю.

– С-со ста м-метров. Н-не может быть! – ошалело пробормотал очкарик.

– Может, – заверил я. – А посему повторно свяжитесь с Вашим руководством и на
основе увиденного измените первоначальный диагноз. А о госпитализации вовсе забудьте!

– Но как... как Вы узнали?! – вытаращился он.

– Мысли прочитал, – прищурился я. – Действуйте, док... и... спасибо за медпомощь...

Когда «Скорая» умчалась восвояси, я нашарил в кармане чудом уцелевший шприц-
тюбик с промедолом, сделал себе укол, немного выждал и, позабыв о боли, забрался в мик-
роавтобус. Там я достал из загашника запасной костюм, точно такой же, в каком приехал
сюда рано утром. Наученные горьким опытом, мы теперь всегда брали их с собой на зада-
ния. Если, конечно, работали в «гражданке».

С пластиковым пакетом в руке я вернулся в дом, вновь поднялся в квартиру Панферова,
зашел в ванную комнату, снял грязную, забрызганную кровью рванину. Аккуратно (стараясь
не намочить повязку) помылся и, переодевшись в «запаску», почувствовал себя новым чело-
веком. (Ну, или почти новым.) Рванину я сложил в пакет, вышел на лестницу и, заняв осво-
божденный Логачевым подоконник (Васильич тоже решил пошуровать в квартире), закурил
сигарету.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?! – вдруг оглушительно громыкнуло над
ухом.

Рядом стояли выросшие словно из-под земли Алеша с Федей.

– И где вы пропадали? – сварливо осведомился я.

– По приказу полковника Ерохина проверяли квартиры этажом выше – этажом ниже.

– И кто там обитает?

– Никого! Почтовые ящики забиты корреспонденцией. На звонки в дверь никто не реа-
гирует!

– Доводы веские, – согласился я, – но их нельзя назвать неопровержимыми. Мало ли
что в жизни бывает... Стало быть, вы поглазели на ящики, потрещивали в квартиры и на
этом успокоились?

– Никак нет! – бодро отчеканил Алеша. – В соответствии с приказом полковника Ерохина, мы, отключив сигнализацию, проникли в каждую из них. Везде пусто. По ряду признаков – хозяева в отъезде. Греют брюхи на зарубежных курортах.

– А камеры наблюдения там имелись? – сощурился я.

– Так точно! В одной. Запечатлевшие нас кассеты изъяли. Заменяли на чистые.

– Тоже Ерохин посоветовал?

– Так точно! Он!

– Отлично! – вспомнив, как допрашивали умирающего Кобру, улыбнулся я. – Не придется свидетелям рты затыкать. А теперь обращайтесь!

– Кхе-кхм! – замялся Алеша. – У нас, собственно, все...

– Понятно. Отправляйтесь на первый этаж и... – Я хотел сказать «присматривайте за выходом», но тут сердце в очередной раз защемило недоброе предчувствие: «На убой посылаю! Костлявая опять где-то близко. Ох, чую старую знакомую! Почти физически!!! А если мальчишки погибнут по моей дурости – век себе не прощу!!!» – Отправляйтесь на улицу, рассредоточьтесь и присматривайте за машиной, – поправился я. – Совсем недавно поблизости был враг, который сумел от меня ускользнуть. – Я подробно описал внешность Малыша и добавил: – Убегая, он получил легкое ранение в ягодицу, а посему прихрамывает. Но по-прежнему крайне опасен!!! Есть большая вероятность того, что вскоре он заявится сюда. Я не могу точно предсказать его действий. (То ли машину заминирует, то ли попытается расстрелять всю нашу группу.) Но будьте настороже! Брать живым не пытайтесь! Огонь на поражение, издали, из укрытий. (Спрячьтесь за какие-нибудь деревья метрах в ста от «Шевроле».) Вопросы?

– Никак нет! – хором гаркнули «надежные ребята».

– Тогда с Богом!..

Распахнув окно, я прилег грудью на подоконник и принялся наблюдать за Алешей с Федей. Невзирая на недостаток опыта, они действовали достаточно грамотно. По одному покинули подъезд и расположились так, что микроавтобус оказался у них под перекрестным огнем. Ощувив, как сразу отлегло от сердца, я вздохнул полной грудью прохладный утренний воздух и задумался: «Бывший вэвэшник уверен, что мы захватили Кобру живым. (В противном случае, откуда бы я узнал его кличку?!) И сейчас, не отходя от кассы, допрашиваем под «сывороткой». Таскать пленного туда-сюда – даром время тратить. А если имеешь дело со спецами, подобное таскание – смерти подобно. Тут кто кого опередил, тот того и грохнул. Любая секунда на счету!.. На задание вышла группа в составе двух человек. Один попал в руки противника и «поплыл», что грозит гибелью всей команде. Значит, второй должен не мешкая устранить (или хотя бы локализовать) возникшую опасность!.. Да! Стопроцентно придет!!! Весь вопрос – когда?!

Ему необходимо:

1. Остановить кровотечение.

2. Переодеться.

3. Взять где-то дополнительное вооружение (как минимум автомат).

4. Добраться сюда.

«Москвич» он использовать не сможет – перед отъездом от дома Ромашкиной я прострелил шины и тремя пулями навеки загубил мотор. Придется Малышу топтать пешочком. Подстреленная задница – ерунда. Боль терпеть он умеет. А отнимать или угонять новый автомобиль – нерационально. Можно «засветиться» в процессе. Остаются новая одежда, аптечка и оружие. Готовя операцию (пусть даже впопыхах), вражеские спецы, вне всякого сомнения, учли различные варианты развития событий. В том числе – пессимистический... Схрон!!! – внезапно полыхнуло в мозгу. – На заброшенной стройплощадке!!! Идеальное место!!! Получается... – Я произвел в уме некоторые подсчеты и похолодел: – **Он уже здесь!**

Улица по-прежнему пуста. Да и подходы к подъезду, откровенно говоря, не из лучших. Здание стоит наособицу. Прилегающая территория хорошо просматривается из окон. Остаются подземные коммуникации. На моем плане есть их схема – канализация... подвал... ремонтный люк в нем... А уж враги-то знают дом Жореса не хуже, а то и лучше нас. (Причину см. выше.) Вход в подвал в будке дежурного. Слава Богу, я молодежь «в засаду» отправил. Иначе сгнули бы ни за грош... Итак, через коммуникации и подвал проникнуть в дом, устранить охрану (если есть), тихонько подняться на пятый этаж и закидать берлогу Жореса гранатами. Оптимальный вариант!»

– Васильич! – ворвавшись в квартиру, шепотом рявкнул я. – На подходе новый «клиент». Давай за мной! Один не управлюсь!!!..

Глава IX

– Не я за тобой, **а ты за мной**, – недвусмысленно глянув на мое левое предплечье, шепнул в ответ Логачев и, бесцеремонно отодвинув вашего покорного слугу, мягко шагнул на лестничную площадку. – Идет, гадюка, – вслушавшись в тишину, тем же тоном сообщил он. – Постарайся взять живым. Сдерживай его огнем, не давай подняться дальше того пролета с окном, а я зайду с тыла. – С этими словами он достал из кармана моток веревки и бесшумно устремился на шестой этаж.

Сделав остальным знак оставаться в квартире, я с пистолетами в обеих руках занял удобную позицию и, трепеща в охотничьем азарте, принялся ждать... Да-да! Именно **ЖДАТЬ!** Поскольку время резко затормозило нормальный бег и потекло, словно в замедленной съемке. (Хотя, как потом выяснилось, прошло не более трех-четырёх секунд.)

Мысли же в голове, напротив, понеслись в бешеном темпе... (Такое бывает в экстремальных ситуациях. Не верите – спросите тех, для кого подобные ситуации неотъемлемый атрибут повседневной работы.)

«Тонкий слух у Васильича. Я, между прочим, ничего не слышал... Грамотно поднимается Малыш, невзирая на кусок мяса, вырванный из задницы, – думал я. – Задержать в пролете правильное решение. Кидать гранаты туда он не станет... Нереально! Это все равно, что из автомата за угол стрелять. (В смысле, не высовываясь, а изогнув дуло под прямым углом, как в старом армейском анекдоте. Ха-ха!) Но долго так продолжаться не может... Вражина быстро почует подвох... Надеюсь, Логачев не задержится. Иначе... Гхе-гм! Я, разумеется, без проблем продырявлю Малышу плечи. Но он же спец! И наверняка, на случай провала, припас «дежурную» гранату, где-нибудь в нагрудном кармане. Дотянулся зубами до кольца, и ба-бах!!! Вместе с врагами. Ему ведь все равно терять нечего и... он воин! Продавшийся масонам, но воин, прошедший **нашу** школу и хорошо воевавший в прошлом. А не кабинетно-офисное чмо, вроде господина Войкова... Можно, правда, попробовать его опередить, что я и сделаю. Однако шансы примерно 70 на 30 в пользу противника. Лично я, при таком раскладе, успел бы подорваться... Интересно, какой у него болевой порог?! Если высокий, то шансы... Ага! Вот он, родимый!!!»

В пролете возникла знакомая, мощная, чуть прихрамывающая фигура в рабочем комбинезоне с «узи», с глушителем в правой руке и с небольшим чемоданчиком в левой.

Добросовестный тип и... осторожный. «Узи» у него для двух целей – устранить возможную помеху по пути и произвести контрольные выстрелы после взрывов гранат.

«Гримироваться посчитал излишним. Свидетелей все равно не останется. А комбез – очень кстати! Вылезет потом из канализации с независимым видом. Дескать, трудился там, говно вычерпывал», – мысленно отметил я, выдавливая слабины с пусковых крючков.

Пф-ф-ф-ф... – два хлопка слились в один. А пули (как и было запланировано) прошли впритирку с ушами противника, разодрав каждое из них и разбив оконные стекла.

Тр-р-р – уронив чемоданчик, ответил он короткой очередью, но, будучи сильно оглушен, промазал... (Кстати, совсем не много! Ай да молодец!)

Пф-ф-ф-ф... – мгновенно сменив позицию, я снова пальнул с двух рук, на сей раз целя впритирку к затылку и бровям. (Еще сильнее оглушить и чтобы кровь глаза заливала.) Поставленной перед собой задачи я не достиг. Вернее, достиг лишь отчасти. Подвело (чего греха таить) раненое предплечье, внезапно стрельнувшее острой болью. И если по затылку пуля чиркнула как положено (Малыша заметно шатнуло), то брови остались в целостности и сохранности. Невзирая на подпорченную ориентацию в пространстве, бывший вэвэшник с похвальной быстротой сместил прицел в мою сторону. Но не успел нажать спуск.

Сквозь полуразбитое окно с треском и звоном влетел, как мне померещилось, громадный живой шар и подмял под себя вражеского спеца. Я со всех ног бросился к месту схватки, однако к моему прибытию там все было кончено. Малыш корчился на полу от боли, глухо стонал сквозь стиснутые зубы, пожирал нас ненавидящим взглядом, но сделать больше ничего не мог. Очевидно, Васильич, не мудрствуя лукаво, поразил его болевые и парализующие точки, знакомые читателям по предыдущим книгам.

– Тепленьким взял! – довольно улыбнулся Логачев, выдернул из щеки крупный осколок стекла, забрал у пленного «дежурную гранату», «узи» и попросил: – Дай, пожалуйста, «браслеты».

Я протянул ему самозатягивающиеся наручники. Перевернув Малыша лицом вниз, Петр Васильевич «окольцевал» ему руки за спиной, а щиколотки крепко связал белым шелковым шнуром. (Видать, помародерствовал малость в пустующей квартире наверху.) И, в завершение, заткнул рот какой-то скомканной грязной тряпкой.

Из жилища Панферова высыпали любопытствующие члены группы.

– Нашли что-нибудь полезное? – спросил я Филимонова.

Вместо ответа он протянул мне пухлую записную книжку в кожаном переплете с именами, фамилиями, телефонами. Раскрыл ближе к концу и ткнул пальцем в страничку, испещренную бисерным почерком.

«Джозеф Роджерс, корр. СНН, – прочел я. – Обычная связь по средам и пятницам через салон эрот. услуг „Голубая луна“. Хозяин Ваню. Тел. 682-48-11. Кодовая фраза: „Привет, Ваню! Мне нужен мальчик о двух головах. Иначе займусь твоей задницей“. Экстр. связь: 8-926-302-55-48. Абонент – Жопик.

Кодовая фраза: «Эй, Жопик, не желаешь ли сделать минет слону?»

– Этот американец тоже махровый пидор, – брезгливо пояснил Василий. – Салон «Голубая луна» – знаменитый гомосечный бордель для представителей так называемой «богеми»: певуны там всякие и тому подобное. Жопик (именно через «п») – скорее всего постоянный любовник Роджерса. Это – однозначно кличка, известная, по всей видимости, только двоим – куратору и связному. Следовательно, посторонние шутники исключаются.

– А что за гнусные коды? – полюбопытствовал я.

– Мы позвонили в «Голубую луну» с домашнего телефона Жореса. – Филимонов, не удержавшись, сплюнул на пол. – Работает автоответчик. Видимо, заказы на мальчиков принимаются через него. Конспираторы, блин! А похабная фраза означает: Панферову необходимо встретиться с Роджерсом. С «Жопиком» то же самое, только без автоответчика. Ему мы правда не звонили, дабы не спугнуть чертова янки.

– Великолепно! – резюмировал я. – Добыча у нас сегодня богатая. Полностью имя, фамилия куратора, места его обитания и, главное, живой «язык»! Жаль, упаковать не во что...

– А вот и есть! – победно приосанился майор. – Мы у «Скорой» пластиковый мешок позаимствовали. Дескать, пригодится вещдоки складывать. Врач особо не кочевряжился. Все равно ведь из одного ведомства. – И, повернувшись к пленнику, поцокал языком: – Эх ты ему уши обкорнал! Еще немного, и расплачусь от жалости...

– Хорош шутковать! – вмешался Логачев. – Опечатайте квартиру, приберите на лестнице, и дуем в Контору. Надо поскорее допросить вражину!..

* * *

Выдержки из видеозаписи наркодопроса бывшего майора спецназа Внутренних войск Пенькова Александра Борисовича, 1964 года рождения, уроженца г. Н-ска, по прозвищу Малыш

Допрос проводил лично генерал Нелюбин. Помимо медиков присутствовали: полковник Корсаков, полковник Логачев и майор Филимонов.

Нелюбин: Имя, фамилия, звание, прежнее место службы и возраст Старшего!

Пеньков: Сливко Леонид Петрович. В прошлом – подполковник ФСБ, сорок четыре года.

Нелюбин: То же самое о Слопе.

Пеньков: Бухарев Юрий Олегович. В прошлом – боевой пловец. Капитан какого-то там ранга. В морских званиях я плохо разбираюсь. Возраст – пятьдесят лет.

Нелюбин: Теперь подробно о Профессоре.

Пеньков: Данных мало. Он с нами никогда не откровенничал. Знаю кличку – «Профессор», а имя, отчество – Марлен Иосифович. На вид лет тридцать восемь – сорок (далее подробное описание внешности).

Нелюбин: В какой области он специалист?!

Пеньков: Прикладная психология, планирование операций, минно-взрывное дело.

Нелюбин (с некоторым удивлением): Минно-взрывное?

Пеньков: Да. Он обучал нас изготовлению мощных хитроумных бомб из того, что можно спокойно купить в магазине. Мы все высококлассные спецы, но **такими** знаниями ни один из нас не обладал.

Нелюбин: Назови все известные тебе адреса, явки и схроны вашей группы.

Пеньков старательно перечисляет.

Нелюбин выходит из допросной, отсутствует некоторое время. (Видимо, отдает распоряжения.) Потом возвращается и задает новый вопрос:

Заказные убийства коммерсантов (перечисляет имена) – боевое слаживание, совмещенное с подработкой?

Пеньков: Совершенно верно!

Нелюбин: И как долго все это продолжалось бы?

Пеньков: Ликвидация Ахмеджанова была одной из последних. Еще два-три эпизода для отработки завершающих нюансов, и мы бы затаились, вплоть до времени «Ч» в начале 2008 года. Тогда нашими мишенями стали бы политические и общественные деятели (называет два с лишним десятка имен, фамилий). Кроме того, мы собирались провести серию крупных терактов: в церквях, в монастырях, на крестных ходах...

Нелюбин: Нюансов, говоришь... Гм! А каких именно?

Пеньков: Гарантированное уничтожение объекта в густой толпе народа на улице и в помещении. На улице во время какого-нибудь массового мероприятия. В помещении – неважно, во время чего. Лишь бы толпа была поплотнее да охраны побольше.

Нелюбин: Филигранная работа снайпера?

Пеньков: Нет. Мы должны идти напролом и обязательно уничтожить мишень. Потери среди «массовки» роли не играют.

Нелюбин: К чему такая жестокость?

Пеньков: Это не жестокость, а трезвый расчет. Сейчас мы просто тренируемся на ком придется. Контингент, как правило, не соответствует должному уровню. Кстати, «черные метки» мы посылали не ради понтов, а чтобы «объект» усилил меры безопасности. Однако проку было немного. Но в 2008-м охрана у наших «мишеней» будет организована по высшему разряду! Все подходящие точки для снайперов в местах массовых мероприятий заранее блокируют ваши спецы. Чтобы поразить мишень, придется действовать «методом мясорубки», используя взрывные устройства, отравляющие газы и кинжальный огонь. Иначе

ничего не получится. Затем надо извлечь приговоренного из-под груды трупов, произвести контрольный выстрел в голову и заснять на камеру, для отчета.

Нелюбин: Приговоренного Западом?

Пеньков: Да.

Нелюбин: Гм. Ясно... Одного не пойму – почему ты, боевой офицер, кавалер нескольких орденов, добровольно встал на сторону злейших врагов собственной страны?! Ведь ты же не дурак и понимаешь: твои новые хозяева собираются расчленивать и уничтожить Россию. А народ либо выморить (голодом, водкой, наркотиками), либо превратить в рабов на экологически опасных производствах.

Пеньков: Они хорошо платят. В этой жизни каждый за себя, выживает сильнейший! Главное в ней – урвать кусок послаще и занять уютное место под солнцем. А на Россию, на народ мне плевать с высокой колокольни! Пусть хоть поголовно все тут передохнут. Мне-то что? Своя рубашка ближе к телу.

Нелюбин: А Бога ты не боишься?

Пеньков: Я атеист.

Нелюбин (обращаясь к медикам): На сегодня достаточно. Введите ему антидот, промойте под капельницей и берегите пуще глаза. Это животное понадобится для повторного допроса.

Здесь запись обрывается.

Когда врачи покинули помещение, а санитары унесли привязанного к носилкам Малыша, генерал минуты три молчал, расхаживая из угла в угол. Потом остановился и с усталым видом обратился к нам троим:

– Сегодня же потихоньку возьмем Роджерса, а по всем явкам-адресам вражеских спецов я отправил профессиональных ликвидаторов. Одного пленного из команды вполне достаточно. Я больше не намерен рисковать нашими людьми. И так уже, дурень старый, допустил непростительную ошибку – выделил «в помощь» двух недостаточно опытных сотрудников, которые, по сути, оказались обузой и остались живы лишь благодаря отцовской заботе полковника Корсакова, в решающий момент выведшего их из игры под благовидным предлогом... Спасибо Вам, Дмитрий Олегович, впредь подобное не повторится! Как, кстати, рука? Не беспокоит? – Борис Иванович впился в меня пронзительным взглядом.

– В норме, – лаконично ответил я и, уловив недоверие в глазах генерала, добавил: – Побаливает, конечно, но ничего страшного! Прошу не укладывать меня в госпиталь! Операция вышла на финишную прямую. Позвольте участвовать в ней до конца или хотя бы понаблюдать за финалом. Но не с больничной койки! Пусть лучше полковник Логачев подлечит меня народными средствами. Он в них прекрасно разбирается!

– Да-а-а, врач «Скорой» доложил, как Вы раненой рукой, с расстояния ста метров, навскидку подстрелили ворону, – задумчиво молвил генерал и спустя секунд десять принял решение: – Хорошо, оставайтесь «на свободе», под присмотром Петра Васильевича. – Нелюбин умолк, достал из стенового шкафа бутылку нарзана, сорвал пробку и отхлебнул немного прямо из горлышка. При этом кадык у него сильно дернулся.

– Вы чем-то встревожены? – осторожно спросил я.

– Да! – нехотя сознался Борис Иванович. – Меня беспокоит бывший подполковник Сливко. Он исключительно умен, хитер, коварен, мстителен... и непредсказуем. В общем, на редкость опасный тип! Кроме того, в отличие от Пенькова, продавшегося за деньги, он – убежденный, идейный враг! Вы, Дмитрий Олегович, надеюсь, не забыли Структуру? (См. «Атака из Зазеркалья» и «Изгой»).

– Такое не забывается, – вспомнив гибель Андрея Самохина, пыточную камеру и собственную клиническую смерть, нахмурился я.

– По официальной версии их уничтожили поголовно. – Генерал кисло поморщился. – Но она (версия) не совсем правдива. Подполковник Сливко пропал без вести при захвате чистильщиками резиденции генерала Кувалдина. Считалось, что Сливко сгорел заживо (на завершающей стадии чистильщики применили напалм), но, как видите, он жив-здоров!

– Восставший из ада! – фыркнул я.

– Возможно, в Вашей шутке есть доля истины, – серьезно посмотрел на меня Нелюбин. – Но так или иначе (хоть осиновым колом!) мы наконец покончим с этой нечистью!.. А теперь к делу. Ни Вам, Дмитрий, ни Вам, Петр, домой возвращаться нельзя... Не волнуйтесь, – жестом остановил он начавшего гневно пыхтеть Логачева, – Вашу семью мы час назад переправили в надежное убежище.

– Тогда другой разговор, – моментально успокоился Васильич.

– А почему домой зайти воспрещается? – встрял я.

– Потому что там, – генерал покосился на часы, – уже сорок минут сидят в засаде группы ликвидаторов.

– ??!

– Я упоминал о мстительности Сливко. А также о прочих его незаурядных качествах. – Борис Иванович вновь отхлебнул нарзана. – И есть большая вероятность того, что он не станет ждать у моря погоды, а сам заявится «в гости» к кому-то из вас двоих... Согласитесь, для мести у него есть достаточно весомый повод. Ведь ваша доблестная парочка раскрыла его группу, вывела из строя половину личного состава (двоих убила, одного захватила в плен), вышла на иностранного куратора и... полностью сорвала амбициозные планы бывшего подполковника! Отныне Западу он не нужен!

– Поясните, пожалуйста, – попросил я.

– Все просто! Команда, повторяю, раскрыта. Ее цели и задачи больше не секрет! Половина личного состава выбита. Оставшиеся – поименно известны ФСБ. Стало быть, работать с ними наши заклятые «друзья» не будут ни при каких обстоятельствах! Они же до сих пор рядятся в овечью шкуру. Не знаю, **ЧТО** Запад изобретет взамен, но от Сливко со товарищи стопроцентно откестится! А Роджерса... Гм! Возможно, объявят международным террористом, действовавшим по заданию Усамы Бен Ладана. С них станется! Виной же всему – полковник Корсаков и Логачев.

– Ерохин тоже участвовал, – проворчал Васильич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.